

ЛЮБОВЬ СОКОЛ

ПРОПАСТЬ

роман

ЛЮБОВЬ СОКОЛ

ПРОПАСТЬ

роман

Салым, 2018г.

Авантюрный роман – интересно его писать, ибо я сама авантюристка, люблю ходить по острию ножа. Начинаешь писать и не знаешь, что будет дальше, во что выльется фантазия твоя. Сюжет этого романа навеян сном – восхитительным и в то же время странным, ибо в нём страсть перемежается с проклятьем, а романтика любви – со смертью. Но так уж устроена жизнь - у тех, кому она интересна, кто привносит в неё чуточку позерства и озорства, даже чуточку лукавства – чтоб заблестела новыми гранями, чтоб была ещё интересней.

Так и в этой книге. Дарья - главная героиня этого романа, проходит ряд периодов – от юношеской непосредственности до роковой случайности. На кон поставлена жизнь, и ей решать, отдать её или нет? и во имя чего отдать?

Сильная героиня, да и герои ей под стать - такие же сильные, искромётные, и пусть цели разные у них да и идут они разными путями, но они интересны - как личности, как сильные личности, они знают, к чему идут и к чему придут.

Ну а четвёртая героиня, Марина, слаба. Вот и сломала её жизнь - как ломает всех слабых, не умеющих торить свою жизнь.

Автор

ПРОПАСТЬ

Машина летит под откос. И они летят, вместе, рядом. Он и она. Она – впереди, Он - чуть сзади. И вот режут воздух слова - резкие, испуганные, властные:

- У нас будет ребёнок! Ре- бё- нок!!

- Что?! – А рука уже хватает её – взмах тела, взброс, и зацепил, захватил её – и уже рука в руке, крепко жмёт её руку. Удержать! Удержать! А от чего удержать? От пропасти? От пустоты? И всё равно удержать! Только бы удержать!

А ведь почти разругались, а ведь ещё б минута и разошлись в разные стороны – так устали, так измучили друг друга.

А тут – ребёнок! Боже, их ребёнок! Незащищённый махонький комочек – с ними вместе летит в ад. Или в рай - не всё ли едино? – если не пожил, если даже не увидел свет?

Нет! Нет!! Нет!!! Подхватил мать вместе с ребёнком, его ребёнком – первым, и быть может, последним – ведь уже почти пятьдесят, прижал, одной рукой, с силой прижал. На это силы нашлись – у мужчины всегда на это силы есть – если любит, если настоящий мужчина – тут уж силы ядренеют, удесятерятся – тут уж подключается мозг - гонит кровь и подталкивает мысль – спасись! спасти! любой ценой спасти! – её и ребёнка. Его ребёнка, мать этого ребёнка – слитых во едино, но уже двоих. Не разделить их сейчас, да и потом не разодрать – ребёнку, во-первых, нужна мать, - значит, спасать обоих, только обоих! И он спасёт! Он их спасёт!

Но как?! Как?! – и всё это в доли секунды, в доли полёта – полёта на тот свет. А она трепещет в руках,

а она стонет, а она прижимается к нему – ища защиты, ища спасения. И это придаёт сил, рождает новые силы. Оглядывает скалу – до неё метра два. Нет! Ничего нет! Никакой зацепки! Но,- есть! Есть зацепка! Вот она! Грот, небольшой грот в скале. Туда! Скорее туда!

Как же он рад своему натренированному телу! Мышцам рад, слаженности, упорству. Они подчиняются ему, они во власти его. Взмах ногами – сильный, властный, боевой. Что снаряд, что гигант,- а тут вжал ноги чуть, плечи, голову вжал, образуя нишу собой, будто гнёздышко,- чуть оттолкнул, отпаял женщину от себя – чтобы сберечь, чтоб на него был удар, чтоб не коснулся её. И вот уже в гроте они. Он, распластанный, неживой. Всё же не выдержало напряжения тело, не выдержали мышцы – раскрылись, отпустили его,- а она на нем – испуганная, помятая, но живая. Она была в гнёздышке, она защищена. Это уже при приземлении отказали его мышцы. Когда она уже была вне опасности. Когда он почувствовал её живой.

А она ещё не верит – в спасение не верит, а она ещё не может прийти в себя, а она ещё будто летит – леденеет сердце, леденеет душа, мёрзнут, коченеют ноги – от того же страха, от бессилия что-либо изменить. А тут – жива... Нет, это, видимо, сон...- или смерть - да, скорее, то смерть, безволие, отрешённость – ото всего, от самой себя, от этого мира.

Но что это? – будто ворохнулось что в ней, будто всплеск какой в теле. Боже,- ребёнок! Боже! – неужто жива? Неужто мы живы, мой Боже?! И снова толчок – более сильный – уже в другую сторону живота,- будто подтверждающий, укрепляющий её мысль: живы мы, живы! Живы – пусть ещё не верится, пусть ещё в сердце страх. Не скоро страх отойдёт, до сих пор леденит сердце, до сих пор оно скомкано – стонет

и болит, и будто просит о помощи, будто молит: помоги!

Но это пройдёт – ведь они живы, значит, пройдёт. Но что с отцом? Боже, как я назвала его? Как выдержнулось это слово? А ведь выдержнулось, а ведь выхлестнулось, и какое ещё слово – тёплое, родное,- отец! И ещё сильнее страх - после слова этого, ещё яростнее теснит сердце боль – что с ним? Отчего не встаёт? И даже не стонет?

Тихонько, – так зябко, так страшно, – коснулась его лица. Нет, тёплое лицо – не совсем, но тёплое, вроде, живое. Дальше пошла рукой – Боже, какой же он родной! какой же родной он! – по шее, хотела уж ниже, на грудь, а рука зацепилась, ищет вену – просто тянет к венке её. Но как страшно – а вдруг? а если? И всё равно тянет руку, находит венку, жмёт. Нет пульса, нет ... - но есть! Есть пульс! Чуть слышный, вкрадчивый, испуганный, - но есть же! есть!

Боже, живой! Родной мой! Родной наш! Папка! Папка! Живой! На большее сил не было. Ни на мысли, ни на думы,- сама устала, сама на краю гибели. Просто дала себе отдых, просто позволила себе расслабиться – надо ж и ей отдохнуть, после такого-то. Откинулась, прислонилась спиной к острым камням,- а всё равно, всё едино, лишь бы отдохнуть – и провалилась, умчалась в зыбкий тягучий сон. Но и во сне дрожала, и во сне не верила - что жива, что живы, что ребёнок в ней жив. И во сне страдала – опять летела в пропасть, опять замирала душа, опять куда-то проваливалось сердце – ухало, бухало где-то в пустоте – её избитое, израненное сердце. А душа? Вернулась ли к ней душа? Кто знает. Она пока не чувствует её, она пока не дошла до этого. Душа всегда рядом с человеком – даже покинув его, не сразу отходит, и её душа где-то рядом - в ней или око-

ло неё – разве ж не всё равно? разве ж не всё едино? Здесь она, вот и ладно. Она будет жить, и душа будет жить – впрочем, душа всегда жива,- но нет, не надо об этом, не надо! Ни об чём не надо,- только отдохнуть, прийти в себя - только отдохнуть...

Они на берегу. Море, солнце, пальмы. Он и она, счастливые, словами не рассказать, рядышком лежат, тело к телу. Лежат и вбирают друг друга. Дышат друг другом. Не могут надышаться.

- Не могу поверить, что у нас скоро свадьба!- это она.

- А я верю,- это он. Мужчины более практичны, более сильны в этом вопросе. Если уж он выбрал женщину (ему кажется, что он выбрал), если она согласна стать его женой, - какие могут быть препятствия? Да никаких!

Зато она отчего-то грустит. И эта тоска - будто подмывает изнутри, точит и точит. Она предписывает это нетерпению да гонит, гонит тоску - нет, не уходит, злодейка, - ещё больше вгрызается, ещё яростнее точит. Сколько Даша ждала этого мига - мига волшебства, мига признания её невестой, - ведь вот- вот станет его женой, понимаете, женой! И опять же боязнь - как это, женой? Была никем, ну, просто подружкой, а тут, - женой? А всё вместе то пугало, то настраивало на счастливую волну - ведь счастье, счастье впереди, отчего же пугаться, чего опасаться, отчего грустить?

И эти вздохи. Даже он слышит их.

- Опять ты вздыхаешь? Отчего? Или не веришь мне? Или боишься?

- Нет!... Да, милый, боюсь! – И ещё роднее он стал, сама себе стала роднее,- оттого что не соврала,

оттого что открылась. И страх улетел куда-то, за ним и грусть. Как можно грустить, когда рядом это чудо? Мужчина, которого она хотела (да, хотела!) и боялась, и ещё больше хотела и уже чуть меньше боялась.

А мужчина смотрит влюблёнными глазами, мужчина глаз оторвать не может от неё.

- Пойдём домой! А?

- Пойдём! – Нельзя отказывать мужчине – когда он хочет тебя, когда все мысли его о тебе. Можно лишь подразнить, помучить, - и опять же затем, чтоб ещё больше возжелал, ещё больше горел.

Мрак, темнота закрыли мужчину. И тут же – опять небо, синее- синее, берег озера, чистый песок. Всё то же (почти то), только другой мужчина рядом с ней. Более молодой, более нетерпеливый, более страстный. И как же он смотрит на неё! Он просто вбирает её всю, он, кроме неё, ничего не видит.

Нет, надо бежать от него! Скорее бежать от этого взгляда! Он так нетерпелив! Вскрикивает, бежит к воде, рывком входит в озеро - и сама горит, и самой бы спрятаться! Он настигает её в воде, он обнимает, прижимает к себе.

- Пусти!- Отпустил, пусть поплавает, пусть. Не стал догонять - она просила, она хочет побыть одна. Умница, уже знает его, знает его страсть,- подальше от него в такие минуты, лучше подальше!

Но вот они опять на берегу. И зря она надеялась, что он остыл. Не остудить её мужчину ничем, ещё больше горит. Резко повернулся, обхватил, прижал и ну целовать, ну целовать. Никого нет для него, ничего нет для него, - женщина, что лежит рядом, уж так волнует, уж так волнует. Его это женщина, уже познал вкус её

поцелуев, всю познал, а теперь просто не может без неё - уж так она мила, уж так она нежна, пить и пить, нежиться в лучах её любви, свою любовь бесконечно дарить.

Но она боится такой любви. Ведь он сумасшедший! Вот и сейчас, что он делает сейчас? Ведь кругом люди, - а для него будто они одни, не видит никого, не слышит никого, даже её не слышит.

Нет, слава Богу, слышит. А она просит, она умоляет:

- Не здесь! Не надо! Мы не одни!

- Не одни? – Надо же, а он думал, что одни. Он думал, что они у него в кровати, и уже готовился к триумфу, уже чувствовал триумф. А тут отрезвел. Откачался от неё.

- Нет, я точно схожу от тебя с ума! Пойдём, пойдём скорее! Я не могу! Я так хочу тебя!

Протянул руку (а сам уже на ногах), резко дёрнул, и Она как пушинка вскочила и тут же оказалась в его объятьях (на миг).

- Бежим! Бежим!! Вон такси! – И точно такси! Видно, привезли кого-то - искупаться, охладиться! А Он уже машет, кричит: «Стой! Подожди!» размахивает вещами, в одних плавках, босой.

Увидели. Ждут. Таксисты народ тёртый, всё видят, всё понимают.

Она только и успела халатик накинуть, теперь старается в шлёпанцы влезть. А ему не до этого. Ему надо домой! Скорее домой! Да и к чему одеваться, когда он уже готов, когда ждёт, не дожждётся минуты неги. Нет, лучше ничего не говори мужчине в такую минуту, лучше молчи!

Ехать три минуты. Они б побежали, и добежали б. Но если рядом такси, зачем бежать? Зачем тратить

свой запал? Две минуты, и они возле дома. Расплатились и бегом к подъезду. Благо, её тут уже знают. А к нему, сумасшедшему, уже привыкли.

- Ты моя! Ты только моя! Как я люблю тебя!
Незабудка моя!

- И я! И я люблю тебя!- в изнеможении, в неге.

- Век бы не вставал с постели! Так сладко с тобой! – Опять привлёк, опять целует, а у неё губы распухли от поцелуев, а ей бы попить.

- Давай выпьем вина! Я хочу вина! – И вовремя,
- иначе б не встать, иначе б опять оказалась в плену.

- Вина? Моя женщина хочет вина? Прекрасно!-
Встал и, как был, голым прошествовал к холодильнику, потом к столу.

Но она не любила этого. И он понял. Замотался полотенцем. И её вздох сказал ему, что он прав. Но какая же она глупенькая у него! И какая родная!

Открыл бутылку, налил вина – в два фужера, подал сначала ей, потом взял себе.

- Только не слезай с кровати! Прошу! Я так хочу ухаживать за тобой! Мне так приятно делать это!

- Хорошо, милый! Мне тоже очень приятно.
Только давай немного отдохнём.

- Конечно, отдохнём! А мы что, не отдыхаем?
Или я измучил тебя?

- Нет- нет! Но ты как тигр, я не могу привыкнуть к такой ярости.

- Что?! Тигр?! Вот тигром меня ещё никто не называл! А мне нравится! Ох, как нравится мне быть тигром!- Она ещё больше раззадорила Его, Она только подлила масла в огонь. Но Она женщина, а Он мужчина. И у Них всё только начинается.

Господи, какой сумбур в голове! Всё спеклось, всё переплелось, кажется, вся жизнь переплелась. Только вот с кем переплелась?

Опять первый мужчина рядом. А может, не рядом?

- Кирилл! Кирилл!

Нет ответа. Но ведь он рядом, она чувствует его! И опять пустота. Опять наплывают какие-то образы, какие-то разговоры, а вот боль, сильная боль, а вот испуг, страх, но и это уплыло, растворилось в зыбком тумане.

- Что? Что ты сказала? Что ты сказала?!

- А то! У него есть жена! Понимаешь, у него есть жена! Он женат!

- Нет! Нет! Неправда! Он любит меня!

- Да ты просто помешалась на нём, не хочешь ничего замечать!

- Это он помешался на мне! Это он ничего не хочет замечать! А я... А я... Я просто люблю его! Я просто тебе не верю! – И вот.- Ты просто завидуешь мне!

А это уже лишнее. Нельзя обижать подругу (притом, близкую подругу), даже если она не права.

- Прости! Слышишь, прости! Я точно схожу с ума. Но неужели он...

- Да, моя хорошая. – Только подруга может не обидеться, только подруга хочет помочь.- Я теперь точно знаю: у него есть жена.

- А как же я? Ведь он назвал меня невестой?

- Невестой? Вот это уже серьёзно! И я очень боюсь за тебя!

- А я боюсь за него! Сейчас я очень боюсь за

него! – Так вот откуда тоска. Вот откуда эта грусть. И страх. Боже, что будет? Что будет?

- Ну, ты больно-то себя не накручивай! Вон, позеленела, свернулась. Ты-то тут при чём? Ты-то за что должна отвечать?

- Как за что? Я ж женщина, я ж должна была догадаться... Или спросить. А я ...Нет, я просто дура...

- Тут уж я согласна с тобой.

- Только не торопи меня, ладно. И не пугай.

Уходи, уходи, Ксюша. Мне надо побыть одной.

- Ухожу. Уже ухожу, Даша.

Даша. Дашенька. Дарья. Что ж ты так запуталась? Что ж ты всё пустила на самотёк? Лежит Дашенька на смятой постели – на своей постели, в своей квартире - и тупо смотрит в потолок. Будто там ищет ответ на свой вопрос. Будто он написан там. А вот закрыла глаза, свернулась в клубочек и заскулила, уж так жалобно заскулила. Скулит и причитает, причитает про себя и скулит. Так страшно на неё глядеть. Лучше не глядеть. Пусть поскулит. А там решит, что делать.

Нет, тошно в доме одной. Тихонечко открыла засов, отомкнула дверь, вытащила себя на площадку. А может, рано вытащила? Может, надо было остаться? Но нет, она обещала, она и так не сразу ушла. Ох, бабья доля! Только расправит крылышки, только приготовится порхнуть - в нежные объятия навеки порхнуть, - тут же подрубят крылья, тут же свалят с ног. Будто ждут этого, будто караулят минуту эту. Не раньше, не позже, - именно сейчас.

И что теперь ей делать? Что творить? Но об этом она должна думать сама. Только сама. Тут уж помощников нет.

- Уходи! Уходи, Кирилл! Не мучь меня!

- Как это уходи? Куда уходи? Ты что?!

- Я ничего. Это ты что?

- А? Понял! Сорока на хвосте весточку принесла! А не лучше ль выслушать меня, а? Не лучше ль спросить с меня? – Горяч мужчина. И всё больше горит. Ходит по комнате и горит. Не гони его, женщина. Выслушай его.

- Говори, Кирилл. Всё говори. – Встала, одеваться не надо, она и спала (а спала ли?) одетой. – Я всё должна знать.

А уж он ругает себя, а уж он недоволен собой. Почему раньше не сказал? Отчего тянул? До чего дотянулся?

- Всё скажу, только не гони! Иначе мне только в пропасть.

Как страшно-то! Как больно-то! Слова такие говорит. В пропасть. И опять. Ладно, хоть не выгнала. Кого это я выгнать хотела? Кого, а?! Человека, без которого жизнь не в жизнь, ночь не в ночь?

А он бутылку на стол. А он нервничает. А он злится. Не так хотел, не так задумывал. Ведь сегодня, именно сегодня хотел покаяться, сбросить с себя этот груз, а вон как вышло, опоздал.

- Но откуда ж ты узнала? Или...

- Нет! Не обижай меня! Я верила тебе. Подружка откуда-то узнала.

- Ох уж эти подружки! Всё-то неймётся им! Всё-то готовы наперёд!

И уже ненавидела подружку. Зачем прискакала? Зачем заварила эту кашу? Ей- то это зачем? Посчитала меня обиженной? Нет! Просто своей жизни нет, вот и лезет в чужую, благотельница!

Никогда так не говорила о подружке. Но видать

не знала, вот и не говорила. Теперь ей Ксения отчего-то неприятна. Теперь уже ругала её. «Не твоё это дело! Не надо было в него лезть! Нельзя лезть в чужую жизнь, недопустимо это! Даже если знаешь что-то, молчи! Вообще молчи, - если хочешь остаться другом. А кем ты оказалась? Собирательницей сплетен! Нравится тебе это или нет».

И как-то легче стало. Да и страшного-то ничего не случилось. Муж не развёлся с женой. Мало ли таких? Мало ли? Неужто из-за этого бросаться на человека? (это она уже о себе) Неужто за это мстить?

- Да, сегодня не простой день. Именно сегодня я хотел покаяться перед тобой. Но меня опередили. И всё равно каюсь, что не рассказал раньше. Что заставил тебя мучиться. Да, у меня была жена. Мы и сейчас не разведены. Хотя она живёт с другим. Нет, вернее, жила с другим в гражданском браке. Каюсь, упустил момент. Не подал на развод, пока она жила с ним. Пока ей было хорошо. А теперь она не хочет развода, я вчера беседовал с ней.

- Не хочет? Как это так? Если она уже была замужем? Пусть даже и не расписавшись?

- Это ты думаешь так. Она ж думает по-иному. Не была она замужем. Просто хотела попробовать, как это жить с другим мужчиной?

- И долго они пробовали?

- Довольно долго. Где-то года три.

- И ты не подал на развод?

- Но у меня же не было тебя! И вообще, я не думал об этом.

- А у вас есть дети?

- Нет. Вот детей у нас, слава Богу, не было.

- Слава Богу? Ты что, не любишь детей?

- Люблю! И очень хочу! Только не от неё!

- Похоже, и она тебя не любит. Что же тогда она хочет?

- Как что? Чтоб в старости кто-то был возле неё! Видно, я самый надёжный в этом смысле. Другого - она уже не хочет.

- Или другой не хочет её. Мужики тоже не дураки. Видят- с одним не ужилась, другой плохой. Не любят таких женщин мужики. К тому же, бездетная, значит, эгоистка.

- Вот-вот! Попала в точку! Эгоистка до мозга костей. Она могла бы родить, не захотела. А потом, когда захотела, уже не могла. Да и не очень-то хотела, не боролась, не страдала, как другие женщины. Не видел я её страданий. А если и страдала, то только из-за себя да для себя.- Посмотрел на Дарью, покачал головой.- Но развода она мне не даст. Так и сказала (а ведь не хотел, не хотел говорить!), лучше убью тебя или себя!

- Вот это уже серьёзно! Хотя, и тут она просто пугает тебя. А сколько ей лет?

- Лет? Ах, лет?! Много лет. А вчера я её даже не узнал, так она постарела.

- И всё же, сколько ей лет?

- Сорок три. Она на семь лет моложе меня.

- Да, дела!

- Да, дела!

- Ну и что же ты думаешь делать?

- Разводиться (это спокойствие пришло сейчас).

Не плясать же под её дудку!

Очнулась женщина. Не может она долго спать. Да и не спала она, так, провалилась в пустоту. От стресса видно, от страха. И всё равно отдохнула. Да и эти видения помогли. Сны всегда помогают нам. Именно в снах приходят нужные мысли, подсказки, именно

в снах решаются наши проблемы. Вот и ей стало чуть легче. Даже какая-то дельная мысль толкнулась: всё у нас будет хорошо! Если мы живы, если Господь помог нам, - значит, всё будет хорошо.

Только вот Кирилл. Как он? Отчего так тяжело да надрывно стонет? Да с такой натугой? Неужели так плохо ему?

Совсем очнулась. Но как же затекли ноги! И спина - будто не её, так задеревенела. Понятно, если лежит в такой позе, скорчившись на камнях. Но как же Кирилл? Что с ним? Повернулась к нему, подползла (целых два шага ползти). Всё так же в забытьи. Стонет. Отчего он стонет? Если живой?

Темнеет. И она торопится. Ведь отчего-то же он стонет. Ведёт рукой по его груди - нормально, ведёт рукой ниже, и вот...Боже! У него рана! Он весь горит! Так вот откуда этот страх. Из забытья. Вот что не давало ей уснуть.

Открытая рана в боку. В левом боку. Он зажимал её, она и не видела. Он давал ей возможность отдохнуть. Он жалел её.

Откинула страх. Уже без страха всмотрелась в рану. Нет, не опасна. Не очень опасна. И опять. Но он горит! Потрогала лоб. Тёплый! Слава Богу! Если и есть температура, то самую малость. Он просто устал. Он просто сильно стукнулся. А так он живой. Её мужчина живой. Сейчас она перевяжет его рану, и всё будет в порядке.

Стащила с него ремень, отбросила - он звякнул о камни и заплакал, как ребёнок

Отодрала от кофточки лоскут ткани, obtёрла рану. Прислонила ткань к ране, -сейчас всё пройдёт, сейчас всё пройдёт. Вот только ночь, сейчас опустится ночь. Но ничего, эту ночь они переживут. А там будут думать, что делать дальше.

- Родная! Родная моя! – Он выходит из забытья, пытается пробиться к ней.- Ты где? Ты где, моя радость?

- Я здесь! Я здесь, родной!- Ещё не успела отползти. Ещё любитесь им. Любуется да радуется - что вместе они, что живы.

Мужчина открывает глаза. Она рядом.

- Так вот отчего я проснулся! Ты так волновала меня!

«Боже! Мужчины неисправимы!»

- Я осмотрела твою рану.

- Какую рану? Нет никакой раны! А если есть, то в сердце моём! Ты - моя рана! Ты, и только ты!- Протянул руку, дотронулся до неё и сладко вздохнул – Я так люблю тебя! Я так тебя люблю!

«И за этими словами надо было лететь в пропасть? За прикосновением этим, таким чистым и волнующим? Нет, она летела за этим мужчиной! Она просто не могла уйти от него».

Сладко вздохнула.

- Я тоже тебя очень люблю! Слышишь?

- Слышу. Слышу, родная. Так нас теперь трое?

- Да. Нас теперь трое.

Обхватил, прижал.

- Только ничего не бойся! Слышишь? Если мы спаслись, то будем жить.

- Да, родной. Я не буду бояться. Я верю в тебя.

- Вот и ладно. Больше ничего не говори! И не вздыхай. Просто слушай моё сердце. А я послушаю твоё. Это так славно - слушать сердца друг друга. И ночи не бойся! Ночь даст нам отдых. Ночь напоит нас силой. Ночь наградит лаской. Ведь ласка – это прикосновение, это твоё тепло, это дыхание твоё.

- Родной мой, ребёнок толкнулся во мне! Когда ты спал.

- Правда? Так сколько же времени ему? И почему ты молчала?

- Я хотела, чтоб ты сам догадался. А потом... А потом это...

- Глупенькая моя! Да если б ты поведала мне о ребёнке, я б по-другому себя вёл с этой дурой.

- Правда?

- Конечно, правда! Да и не было ничего. И сейчас ничего нет. Только мы и ребёнок. Можно, я послушаю его?

- Можно.

Как сладка эта минута! Мужчина приник к её животу. Слушает. И пусть ничего не услышит, разве ж это важно, - он просто ощутит связь со своим ребёнком, он просто даст ему понять, что он защищён.

Плохо ещё ты, Кирилл, знаешь женщин! А свою жену, выходит, совсем не знал. Или знал, но другую, ту, из прошлой жизни. Но теперь она не та, далеко не та!

Да, теперь Марина не та. И думы её не те. Вот думы её.

«Нет, он так счастлив, он просто горит от счастья. А я угасаю. Я никто. Хотя совсем недавно я жила, а он угасал. Хотя, нет, не угасал. Он, как факел, горит и горит - одним пламенем, одним горением, дыханием одним».

Это теперь она поняла, а тогда ей казалось, что он вот-вот потухнет, вот-вот станет ничем. А этого она страшно боялась, этого она дожидаться не могла.

Нет, не зря говорят: что хочет женщина, то хочет

Бог. Она же хотела другого мужчину: молодого (более молодого!), здорового, крепкого. И он стал на её дороге - именно такой, загаданный: молодой, здоровый, крепкий. Она сама приманила его, она была в поисках, её глазки светились. Очень быстро стали близки, очень быстро сошлись. Она просто заявила мужу, что уходит, что он может считать себя свободным.

Муж, конечно, удивился, но препятствовать не стал. Только качнул головой: быстро, мол, ты! И она ушла. Даже похвасталась новому мужчине, как она сильна: захотела - отпустили! Захотела - ушла!

А ведь тогда уже надо было задуматься: кто ты для мужчины? Вообще, кто ты? А ты винила мужчину: холоден, отгорожен. И опять не задалась вопросом: отчего он холоден, от кого отгородился?

Теперь ты смотришь на всё другими глазами. Теперь ты многое поняла. Ведь даже то, что ты искала другого мужчину, слабость твоя. Отчего искала? Чтобы спрятаться? Спрятать свою тоску? И ни разу не задалась вопросом: а отчего тоска-то? Отчего?

Вздыхаешь? Так-то. От пустоты тоска твоя. От пустоты. Пуста ты, женщина, всё пусто в тебе. А страсть, что ты дарила мужчине (чужому мужчине), последний всплеск, последний аккорд. И остыл мужчина. Пустота не греет. Холодит. И этот стал холодом возле тебя. Кого теперь будешь ругать, женщина? Опять мужчину? Или уже себя?

Пугаешься? Себя?! Неужели ж себя? А вот и мысли твои. Неужели я пуста? Неужели я холодна? Неужели... Вздохнула. Что тут думать - если и этот уходит, если и этот отворачивается от тебя. Если и этого уже потеряла. Даже не цепляйся за него - он ещё в соку, он ещё горит, он ещё многое сможет.

Тебе же остаётся только уйти. Не жди слов муж-

чины. Они убьют, они раздавят тебя. Ведь и от того ты ушла сама. Но тогда ты не знала себя. Тогда ты казалась себе иной. Теперь ты знаешь себя. Теперь (что, боишься?) тебе только доживать...

Доживать? С кем доживать? Одной? Вот тут ты и вспомнила: у меня есть муж! Родной муж! Вот тут ты обрадовалась: он меня ждёт, он будет мне рад! Как же стало сладко. А она-то забыла о нём. А она даже не вспоминала о нём. А теперь – теперь он стал таким родным, таким нужным. Уже с радостью вспоминала его. С той же радостью сопоставляла: оба пусты, нам и доживать вместе.

Ох, женщина! Что ты творишь с судьбой? Куда ты летишь? Куда ты готова лететь? Ещё можно вернуть твой пыл, всё ещё можно вернуть - если взбрыкнёт что-то в сердце, если ворохнётся в душе: неужто я пуста? Если встанет сердце на дыбы, если задохнётся: как это пуста? Именно в такие минуты приходит прозрение. Именно в такие минуты идёт подсказка: как дальше жить, чем заполнить пустоту. А есть чем – сколько в мире брошенных людей. А есть чем - хоть одного подбери, приюти, обогрей, – как же переменится к тебе жизнь, как же переменится к тебе судьба.

Но ты пуста. Как пересохший колодец. Как пустая дырявая бочка. Зачем же мечты? Иллюзии эти зачем? Твой путь - в монастырь. Хотя и там подвижники живут - истинно верующие люди. Куда ж тебе? Только в дом престарелых. В угловую комнату. Отгородив себя ото всех. Жить, не жить,- зарастать мхом.

Но ты ещё чего-то хочешь. На что-то надеешься. Ты пошла к мужу. Ты понесла себя, как подарок, как драгоценный подарок судьбы. Ведь он тоже доживает – куда приятнее доживать вдвоём.

Им снился один и тот же сон.

Они плывут на корабле. Лето. Жара. Она в лёгком платьишке. Он в рубашке навывпуск, шортах, летних туфлях.

Так хочется пить. Но вода в каюте. А тут так хорошо! Нет, они успеют попить. Сейчас же побыть вместе. Побыть на этой жаре, насладиться солнцем и морем.

Она хочет пить! Вода! Вода!

Женщина открыла глаза. Но где же фляжка? Она ж была со мной?

- Ты что ищешь?

- Вода! У меня была вода! Тебе надо попить...

- Вода? Где она? Я так хочу пить...

- Сейчас, сейчас...

Шарит рукой по камням, находит ремень – он тут же звякнул, заплакал. Схватил, снял с него фляжку, открыл её, поднёс ей ко рту.

- Пей! Тебе нужны силы! Только много не надо, больше у нас нет воды.

Она сделала три глотка, потом ещё три - хватит, ей уже хорошо, ей уже свежо.

- Спасибо, родной!

- Это водичке спасибо!

- И водичке спасибо! Теперь я ничего не боюсь, теперь я выживу, так и знай.

А ведь молчала, а ведь крепилась, но как же ей было плохо без воды, ужасно плохо.

- Поспи, ещё поспи! И я посплю.

- Попей и поспи.

И Он попил – чтоб не заставлять Женщину страдать ещё и за него.

Нет! Тебя мне не надо! Уходи! Чувствовала, что это сон, а вот прогнать не могла.

А он не отходит, а он смеётся, а он пытается её достать. Тянет руки к ней - огромные, жуткие руки. Она пятится, пятится, а руки настигают её, вот-вот настигнут.

- Уйди! Не надо! Не тронь меня! Уйди!

И проснулась от этого крика. И стало страшно. А ведь хотела заглушить этот страх, хотела не думать о нём. А как не думать, когда всё так смешалось, когда её прежняя и теперешняя жизнь так свились, переплелись.

Не отступает прошлое. Никак. Не хотят оставить в покое. Но почему? Почему?! Ведь она молчит, она, как рыба, молчит. И всё равно не оставляют. Не оставляют, потому что много знает. Это она понимает. Но как же хочется свободы - всё забыть, ничего не помнить, и идти, идти вперёд.

Кирилл будто прочитал её мысли. Кирилл слышал её крик. Кирилл всё сопоставил. А может, не всё? Может, есть ещё что-то, - более страшное и более пугающее? Больше он не хотел молчать. Им надо выбраться отсюда. А он ничего не знает.

- Кто же чуть не помог нам отправиться на тот свет? Уж не тот ли, кто очень не хотел, чтобы мы были вместе?

- Валентин?

- Я не называл этого имени. Ты сама его назвала. Да и моё «чуть» висит в воздухе. Кто нас вытащит отсюда? Кто нам поможет? И как?

Она вздохнула, закусила губы. Она была рада, что вопросы прошли чередой. Ей не хотелось пока открываться.

- А я верю в удачу. Если нам не суждено было погибнуть, если мы уже спаслись, то и дальше спасёмся.

- Хотелось бы верить. Но... Ты не ответила на мой вопрос.

- Зачем отвечать, если ты всё знаешь.

- Я знаю очень мало. Но хотел бы знать всё. Хотя сейчас рано думать об этом. Но...

- Никаких «но»! Нельзя просить у Господа всего сразу. И так много. Сейчас нам надо прийти в себя, оклематься, а там уж будем думать, как спастись.- Опять эта неприязнь, опять он слабый. А только что был сильным, только что – именно силой, волей своей, - спас их. А тут раскис.

Нет, он не раскис, он просто боится. Он очень боится за них. На нём лежит ответственность за их жизни. А она-то подумала... Нет, её мужчина сильный! И всё равно не надо раскисать. И ей не надо позволять раскисать, она так устала.

Понял. Принял её слова. Они в одной связке. Как и раньше, как и всегда. Если бы всегда.

Склонился, поцеловал.

- Первый раз целую мать своего ребёнка.

- Не рождённого ребёнка.

- Он родится! Он уже просится на свет, он уже защищается, - значит, он сильный, значит, он родится!

- Это уже другие слова! А тех ты не говорил, слышишь?

- Нет, говорил. Не надо отмахиваться от того, чего боишься. Надо думать, как выйти из этого положения. Такие люди не оставляют свидетелей.

- Ты всё знаешь! Ты говорил с ним?

- Он говорил со мной. Он сам вышел на меня.

Хотя, зачем ему лишние люди, не понимаю? Но, видно,

так сильно насолила ты ему, что через меня хочет тебя достать.

«Уже достал». Чуть не вылетели эти слова, и хорошо, что не вылетели - рано им, ещё рано. Столько не рассказано – и если начать с этого – кем она предстанет перед Кириллом? Кем?! Сжала сердце, выдохнула:

- Он и на это пошёл?

- Не пошёл бы, если б ты мне всё рассказала сразу.

- Но я не могла. Я хотела забыть. Мне было страшно.

- Значит, я тебе никто?

- Наоборот! Женщине не хочется показывать иные свои поступки мужчине. Особенно, если он ей дорог.

- И даже это не оправдывает тебя. Неужели ж ты не понимала, во что ввязалась? Неужели ж так наивна, что думала, будто от тебя так просто отстанут?

- Надеялась. Хоть и боялась. Очень боялась.

- Надо было довериться мне. Я б защитил тебя.

Но как защитить женщину, которая молчит? Как защитить женщину, о которой я ничего не знаю? И от чего её защищать?

- Прости! Прости!

- Прошу, когда расскажешь. Всё до капельки.

- Ой! Опять... Ребёнок!

- И ты меня прости! – Склонился, приник – ребёнок (его ребёнок) опять капризничает. Говорят, они и там хотят пить и есть. Так жалко его, так жалко её, - она так страдает. Уже тише. - Я тебе тоже не сразу о прошлой жизни сказал. Мы что-нибудь придумаем! Мы обязательно выберемся отсюда! – Вот это уже слова мужчины! Как дороги они, как они нужны!

Поцеловал.

- Я так боялся за вас! Ты мне сразу стала роднее, в тысячу раз роднее! Мне ещё не говорили этих слов. Ребёнок. До сих пор не верю - так это внезапно, так это не вовремя.

- Не вовремя? Зачем ты так?- А уж сама боится. А уж саму трясёт. И всё же защищается, и этого комочка, что лежит под сердцем, защищает тоже.- Как раз вовремя. Он спас нас. Именно он.

- Да, тут ты права. Ребёнок спас нас. Но что будет дальше? – Вот, опять. Ох, уж эти мужчины! Не могут скрыть страх. Или не хотят.

- Дальше будет жизнь! Такой – какой мы её сотворим.

- Но как же я боюсь за вас!

- Нас трое, мы что-нибудь придумаем.

Но как низко этот грот. Да и вообще, ходят ли здесь люди? Скорее, нет! Кому захочется над пропастью ходить?

И всё равно нельзя терять надежды. Без надежды им не выжить.

- Хорошо, я расскажу тебе.

- Не сейчас. Сейчас отдохни. У нас будет время для разговора. Ты устала. И малыш волнуется. Успокой его. Поспи. Поспи.- Уложил её голову на колени, и притихла женщина, сладко вздохнула. Мужчина понял её. Мужчина дал ей отдых.

Марина. Имя-то какое красивое! Да и женщина красива - все женщины по-своему красивы, только живут по-разному, несут себя по жизни по-разному, судьбой своей распоряжаются по-разному.

Ничего не поняла Марина. А ведь должна бы

понять, должна бы подумать: что я, кто я, что творю с жизнью своей? В побегах от мужчины к мужчине как-то не задумывалась: что она несёт миру? Какова польза Земле от неё? Просто жила, просто порхала - как пчела порхает с цветка на цветок, собирая нектар, так и она порхала по жизни. И дальше думала порхать. Если повезёт. Сейчас же ей надо успокоиться, отлежаться, поднабраться сил - что-то она устала, что-то нездоровится ей. А те мысли, о доме престарелых, Марина отослала подальше. Она ещё не дошла до точки, она ещё поборется! У неё ещё есть козырь: законный муж.

И она козырь для него. Надоело, поди, одному-то жить. Обрадуется, вознесётся! Только она не собирается баловать его. Пусть знает своё место! Ей просто надо чуть-чуть отдохнуть, отлежаться, прийти в себя.

И как же она удивилась, не застав его дома. Хотя почему он должен именно в это время быть дома? Он же не знает о подарке? Он же не ждёт? Или ждёт, но не сейчас.

- Марина! Какими путями? – Соседка - подружка, мимоходом. Но вот остановилась - что-то загадочное в лице Маринки, что-то светится в ней.- На развод решила подать? Давно пора! Ты с другим, он с другой. Давно пора!

- Что?! Кто с другой? – Враз обмякла, враз не слушаются ноги. Но нет, она не так поняла! Она просто ослышалась!

Не ослышалась.

- Ты что, не знала? Твой-то давно с другой. Молодая, горит возле неё. Живут вовсю. Будто подменили мужика: орёл, да и только! Гарцует, оленем прыгает.

- Гарцует?- Вскинула глаза.- Да ты что? Что

говоришь-то? Это кто гарцует? Он?! – Усмехнулась - это уже было слишком.- Он и при мне-то не гарцевал, а тут...

- А тут, подруга моя, гарцует. Да и что ему не гарцевать, когда такая лань под рукой? Она горит, и он горит! Прямо завидки берут!

Да что она говорит? О ком? Нет-нет, тут что-то не так! И всё же отошла от двери. И всё же спросила.

- А сколько уже они живут?

- Да уж больше года-то. Много больше. И счастливо живут. Так что не жалея его, не брошен.

Убежала подружка: дела. А она столбом стоит, с места двинуться не может. Враз старухой стала,- от слов-то таких. Враз тяжестью налилась. Враз сердце опало. Вот так: ехала к мужу, а приехала...К кому же она приехала?

Но и уйти не могла. Будто приросла. Будто это последний островок жизни. А и есть последний, для неё последний, некуда дальше идти. Осела на ступеньки (чистые ступеньки, ухоженный подъезд, ухоженный дом, - дом, что уже не её). Знала, что не должна тут сидеть, знала, что пора уходить – пока не увидели, пока не стали жалеть,- а встать не было сил. Ведь это последняя надежда, последняя ниточка, и она вот-вот оборвётся.

И всё-таки встала. И всё-таки ушла. Не готова она сейчас, к такому не готова.

Камень свалился в пропасть. Мимо них пролетел с тихим визгом. Но звук падения не был слышен. Значит, пропасть очень большая. Значит... Нет, об этом лучше не думать, пока не думать.

Но камень-то свалился! Кто-то свалил его?! Кто-то у них над головой! Это мог быть горный козёл. Хотя,

нет, не будет козёл шастать тут, он хоть и горный, ко всему привык, но и троп знает полно. Нет, не будет горный козёл ходить тут. Никто из животных не будет. Животные умны, чутки, опасность чувствуют издалека.

Это человек! Это люди! Люди мимо пропасти шли. Что-то заставило их.

Что это были за люди, что заставило их - об этом Он пока ещё не думал. Он просто хотел именно людей. Он просто ждал спасения.

Воздух разрезал нечеловеческий крик.

- Лю-ю-ю-ю- ди – и- и- и! Спа-а- си- и-те!

- Зачем?!- Её сердце сжало мукой. - Это котра-бандисты! Больше здесь никто не пойдёт!

- Ну и пусть! Нам надо вылезти отсюда!

- Но это не выход! Они убьют нас!

- А не они, так сами умрём! Разве ты не понимаешь, что больше у нас шансов нет?

- Понимаю. Но я боюсь!

- Я тоже боюсь. Но этот шанс упускать нельзя.

- О, Боже!

- Кто-то кричал. Слышали? Оттуда. – Мужчина показал вниз, покачал головой. Мол, не верится, там пропасть, но ведь кто-то кричал.

- Идём дальше. Никто ничего не кричал. Надо ходить аккуратно, камешки в пропасть не швырять.

Никто больше не слышал крика. Люди устали, люди голодны. Тяжеленный, опасный груз. Главарь не даёт отдыха. Скорее бы добраться до места, сдать этот груз, а там... Там можно и поесть, чуть отдохнуть. И назад.

Пустая, холодная жизнь. Не жизнь, а мрак, сплошной мрак. Кто-то очень хорошо наживает на их

труде. Они же получают копейки. А главарь? О нём лучше не заикаться. Страшный человек. Очень страшный. Мать родную не пожалеет.

Бредут люди по раскалённым пескам, по горам и оврагам. Всё дальше от своей страны, всё ближе к опасности. Больше они ничего делать не могут. Так распорядилась судьба. Так хочет Аллах. А Аллах ли?

«Нет, не надо было кричать. А что надо? Что приемлемо в этих условиях? - Опять взглянул на Дашу – как же она слаба, едва держится.- Нет, это единственный их шанс. Шанс на спасение. – Уже другими глазами взглянул на женщину – что-то злое было во взгляде его, кощунственное. – Не иначе, Валентин постарался? Кто больше? Кому ещё может быть сладко от их небытия?»

Поёжился – холодно, как в склепе. И накрыть её нечем. А она молчит - терпит и молчит. Уже другие мысли.- А может, Марина?- И сразу.- Нет! Нет! Марина на это не способна. - Опять скользнул взглядом по женщине.- Это дело рук мужчины.- Вздыхнул недовольно.

И опять женщина молчала. Видела – терзания его, муку его, даже ненависть – к её прошлой судьбе,- и опять молчала. Не время, нет, пока не время.

И всё-таки не надо было кричать! Страшно женщине. И так, и этак страшно. Крикнул - страшно. А не крикнул бы? Это ж последняя надежда, последняя ниточка

Не спала женщина. Мучила себя. Мучила жизнь. Из-за неё они здесь. Из-за тупости да глупости её. Вот и

бьёт её нервная дрожь, и сколько ещё будет бить.

Его ругаю. А я? Чем лучше я? Строю из себя невинность, а сама...

Но как хотелось забыть. Напомнили. Не отпускает прошлое и не отпустит.

Валя. Валентин. Нет, не так встретился ты, не просто так. Ты присосался, ты всосался в меня - как клещ, и всасываешься всё глубже и глубже. Зачем я тебе? Ведь ушла, ведь молчу, ведь отпустила тебя. Понимаешь, отпустила? Нет, и тут нашёл, и тут нанёс визит вежливости, и тут заседаешь.

Прошлое заявляет о себе. Прошлое возвращается. Опять идти по страшному кругу? Опять мучиться, изворачиваться? Опять под его дудку плясать? Ведь именно этого хочет он, именно за этим искал. А если нет сил? А если надоело? А если опостылела такая жизнь? Всё равно плясать? Нет! Больше она плясать не сможет! Не будет она больше плясать!

И опять это самодовольное лицо. Опять эта ухмылка. Что, мол, испугалась? Не ожидала?

Но как же она запуталась, как же плохо ей! А было так хорошо. Даже жена Кирилла уже не пугала. Жена уйдёт, уже, считай, ушла, а это? Это вряд ли уйдёт - хоть и прогоняет, хоть и пытается сбросить с себя. Не сбрасывается. Не убирается.

Конечно, сама виновата. Не так надо было с ним. Да что теперь говорить: так, не так, время-то ушло, ушло времечко. Не отпускает её - это другой вопрос. И, похоже, не отпустит. Вот он, перед глазами, - тот, что встретился ей тогда. Стоит и улыбается. Прямо в глаза глядит. Будто говорит: «Что, хотела убежать от меня?» И ещё наглее улыбается - не вышло, не вышло, хорошая моя!

Не спал мужчина. Непокойно на душе. Что ждёт их? Как выпутаются они из этой кутерьмы? Тоже ругал себя. Зачем крикнул? Зачем? И тут же оправдывал. А если б не крикнул? Что б изменилось? Тут хоть какая-то надежда есть.

Вот так всегда. Хочется выбраться из трясины, хочется светлого, лучшего – и ты карабкаешься, си-лишься, вылезает. Ты уже на вершине, Вот-вот вырвется облегчённый возглас: ведь смог, а! ведь сумел! А тут хватают за руки, поворачивают к себе, и, - о, Бо-же! Опять! Прошлое настигло тебя, прошлое вцепилось мёртвой хваткой, - не продохнуть, не двинуться с места.

Нет, нельзя начать жить сначала. Это только иллюзия, наваждение, мираж. Не отпускает прошлое, ещё никого не отпустило.

Вот она, женщина, - рядом. Счастье увидел с ней, радость, покой. Но уже и тогда боялся, и тогда точила сердце мысль: что-то будет! Что-то стрясётся опять! Гнал, отгонял эту мысль, а она не отходила, а она смеялась над ним, она не давала жить.

И вот, предчувствие не обмануло его. Но почему всё плохое случается, когда дошёл до счастья, когда весь мир кажется светлым и чистым, когда ты решишь в облаках и обнимаешь мир, обнимаешь любимого человека и шепчешь, шепчешь - Боже, как хорошо! Боже, как сладко! Вот тут-то и подкрадывается прошлое, вот тут-то и хватает своими лапами и обрывает сладкую жизнь. Гадости, мерзости, интриги, шантаж. Сразу извалили в грязи, измарали тело, облили помоями душу, сразу нечем дышать, сразу незачем жить.

Ведь уже всё, всё, всё. Хотя хочется стряхнуть это с себе, хотя хочется подняться - опять подняться, снова подняться, но ведь не позволяют, не дают. Одно, другое, третье. Что же делать теперь? Сдаться? Отпус-

тить тормоза и катиться, катиться себе по наклонной. Пока не докатишься до конца.

Опять взглянул на женщину. Но ведь она не сдаётся! Она цепляется за жизнь! И стало стыдно. Сильней стала душа. Если она цепляется, если она не сдаётся, значит, и ему сдаваться нельзя, значит, и он должен цепляться.

Приласкал женщину взглядом. Сильная! Это ребёнок ей силы даёт. Ребёнок не позволяет сдаваться.

А вот и другая женщина перед глазами. Невольное сравнение. Нет, никакого сравнения! Пусть та (Марина) ничего предосудительного не совершила (если не считать побег от мужа к любовнику), но и доброго ж не сотворила ничего. Как спичечный коробок. Он и со спичками-то только что шуршит, а уж пустой - вообще ни звука. Вот и она: то шуршит, то вообще ни звука.

Нет, лучше не думать о ней. Итак на сердце тошно. Хотя, кто знает, не она ли помогла здесь очутиться? И сразу. Нет! Нет! Всё, что угодно, только не это. Бабы штучки: крики, слёзы, угрозы, мольба. На большее она не способна. Ибо серая. Серая, скучная мышь.

А Даша? Даша не мышь. И далеко не серая. Даша – это угар, сумасшествие. Даша - это ураган. И опять распахнулось сердце. Опять захотелось жить. Если она ураган (а она точно ураган), то они выберутся отсюда! Просто не может быть, чтоб кто-то не заметил урагана! Просто не может быть!

Но как же она хочет пить! Вон, опять облизала губы. И ведь терпит, терпит! И уже всё готов ей простить. Всё готов забыть ради этой женщины. И забудет, только б выбраться отсюда, только б выбраться!

Склонился, обнял. Показалось мало. Лёг рядышком, прижал – и сразу лёгкий вздох, прижалась женщи-

на, ищет тепла, ждёт тепла. Вот оно, счастье! Вот самое дорогое, что есть у него!

Шаг, ещё шаг, ещё. Как омерзительны эти шаги! Тупы и омерзительны! А раньше, вроде, этого не замечал. А что он замечал раньше? Что видел он? Ничего. Вроде, и жизнь уже прошла. Кончилась жизнь. Сколько не ходи - конец будет. И он готов был к концу. Надое-ло.

А тут этот крик. Человек взывает о помощи. Так кричит только человек, попавший в беду. В страшную беду. Человек из пропасти. Как он попал туда? Или кто-то помог? Не всё ли равно. Главное - ему нужна помощь. Главное, он просит у них защиты. А они будто не слышат. Все, как один, будто не слышат. Они уходят от пропасти. Они уходят от человека, попавшего в беду.

Был бы он один, обязательно что-нибудь приду-мал. Но он не один. Они в связке. Они несут опасный груз. Они сами на краю пропасти.

И всё равно так жаль человека из пропасти. Как хочется помочь. Этот человек разбудил его ото сна, этот человек разбудил его сердце, заставил жить. Он хочет жить! Он хочет помочь этому человеку! Уже за то, что тот разбудил его! Уже за то, что он хочет жить!

Проснулась женщина. Да, она спала, копила силы. Она мать, ей силы нужны. А сейчас наблюдала за мужчиной: вполглаза, вполуха. Сравнивала. Сопоставляла. А вот мужчина обнял её, прижался всем телом. И сразу покойно стало. Хоть на минуту покойно.

А мысли бежали мимо этого мужчины. К тому, кто был виной их заточения, кто хотел их убить. К то-

му, кто был любимым. Боже, как она любила его! Она и сейчас любит его. Боится – ведь она убила его,- но любит. Любит, но боится. Сердцу не прикажешь, сердце выбирает того, к кому тянется душа, сердце ошибается порой. Нет, теперь он стал забываться. Теперь любовь уже не та, чтоб всполохом врезаться в душу, чтоб всполохом вспоминаться. Много их было – Саш, Коль, Владов. А вот Валентин один. И если б не это, до конца была бы с ним - так он по сердцу ей, так он тревожил, волновал. Это был первый мужчина, к которому хотелось прислониться, который стал для неё всем. Из-за которого она чуть не лишила себя жизни.

Потрепала её жизнь. Ох, и потрепала! Треплет и сейчас. Хотя уже вошла в иное измерение, почувствовала себя иной. Уже почувствовала. Ибо хотела быть иной – чистой, светлой, ибо хотела навсегда вычеркнуть из памяти прошлое и жить дальше, с чистой душой.

Пограничный узбекский городок на границе с Афганистаном. Население – разношёрстное: тут и узбеки, и русские, и другой сброд, что тянет туда, где можно пожить.

Сюда Дарья приезжала и раньше ни раз. Тут жила её подруга. Когда-то молодой женой приехала та сюда с мужем- лейтенантом, да так и осталась тут. Муж погиб при задержании опасного преступника, она помыкалась, помыкалась, но не уехала- то ли храня память о покойном муже, то ли просто привыкнув к этому городку, к его людям.

А что Дарью сюда влекло - непонятно. Скорее, страсть к переменам, а ещё новизна, хоть какая-то новизна - всё вроде знакомо, но вот влекло же, влекло.

Этот городок укрывал людей, скрывал их прошлое и будущее - до поры до времени. Вот и сейчас

Дарья влилась в него, зацепилась и затихла – так покойно тут, так славно (хоть и бегают мурашки порой от предчувствия неотвратимого, но это ещё когда будет? и будет ли?), хочется всё забыть и просто жить, как эти люди, что, казалось, (а иногда и не казалось) всю жизнь живут тут.

Подруга не любопытна, но иногда так вскинет глаза и прямо в душу глядит, будто спрашивает – зачем ты тут? прячешься от кого? И застынет Даша, аж пронзит этот взгляд – но тут же отпустит – уже другому глядит подруга (дескать, если и так, а мне-то что?), уже просто рада подружке своей – её глазам рада, что так преданно улыбаются ей, её походке летящей, привораживающей мужчин, и всей ей – такой лёгкой и интересной – для неё интересной.

Они любили друг друга, они дополняли друг друга, они брали друг у друга то, чего не хватало каждой из них: Дарья у подруги тепло и свет, спокойствие и умиротворение, а подруга у неё – скрытый бешеный потенциал, скрытую энергию – энергию страсти, борьбы, они заряжались друг от друга и жили дальше, не влезая в душу, не бередя. Вот за это больше всего была благодарна Даша своей подружке – за бережение души, за неназойливое внимание, за понимание момента – что надо, расскажет сама, а нет – так и не надо. Скрытая Даша куда более влечёт – что в ней? какая загадка? что прячет в душе? А загадка всегда интересна – уже тем, что хочется её разгадать.

Здесь Даша встретила Кирилла. Или он встретил её. Встретились и как-то сразу стали родными. Она даже забылась рядом с ним – кто она, как и почему очутилась здесь? Ей было хорошо. Она уже начинала думать, что дальше будет ещё лучше.

Но не убежать от прошлого. Оно преследует нас

неотвратно, оно напоминает о себе. И, чем подлее это прошлое, чем пакостнее, тем чаще напоминает. Если не наяву - то во сне, если не болью - то тоской, если не тоской - то вздохом.

Вот и её прошлое вернулось к ней. Чтоб сделать её жизнь более мучительной, более противной.

Нет, она ещё сопротивляется. До сих пор сопротивляется. Но прошлое всё яростнее напоминало о себе – то ночными кошмарами, то неуёмной тоской. А порой ей казалось, что она попала в ад. Она б давно провалилась в этот ад или умерла, тут третьего не дано. Но всё на что-то надеялась. На чудо? Может, и на чудо. Мы все порой надеемся на чудо.

Но и Кирилл уже, похоже, что-то знал. Вот его вопрос – кто-то же чуть не отправил нас на тот свет? Сразу стало холодно. Точно, он что-то знал! Или (ещё страшнее) знал всё. Хотя – что он знал? Кого считал виноватым? Как хотелось остаться – нет, не остаться, - казаться чистой. И она б сумела, она уже перечеркнула прошлое, она уже шла навстречу свету.

Не дали. Прошлое возвращается. Прошлое заявляет о себе.

Да, прошлое возвращается. Прошлое заявляет о себе. А ведь было так хорошо, покойно. Дело шло к свадьбе. Он уже думал, чем бы удивить свою невесту, чтоб она запомнила эту свадьбу на всю жизнь. Он уже придумал: везти её в ЗАГС на тройке лошадей, или на какой-то диковинной машине, собранной умельцами из деталей разных машин. Скорее, он остановился бы на первом: это ж так романтично! Это ж так обрадует её!

Удивил! Они оба удивили друг друга. Оба приготовили сюрпризы. А может, их приготовила судьба. А что, скорее, именно так. Надо ж сначала с одним де-

лом разобраться, а уж потом дальше что-то предпринимать. Как по мановению волшебной палочки вынырнули эти двое: его жена и её любовник. Оба в одно время. Будто подтолкнул кто, будто шепнул на ухо: иди, пока твоё время! Спеши!

Да, дела! Что хочешь, то и думай! Что хочешь, то и делай! Улыбнулся: да, выбор у нас небольшой. Но подсказка была. Что хочешь, то и делай! А что можно сделать в их положении? Что можно предпринять?

Женщина спит. Тихонько встал, подошёл к краю грота. Страшенная высота! Вниз лучше не смотреть - закружится голова. А вверх? Там тоже ничего нет. Хотя расстояние до края пропасти не такое уж большое. Метров сто пятьдесят. Но и эти сто пятьдесят метров на пузе не проползёшь. Было бы снаряжение - можно бы попробовать. Но ничего нет. А просто так, без страховки, лезть по отвесному склону - нет, это паранойя. Два метра не пройдёшь, сорвёшься.

Вот если б? Опять посмотрел вниз, в эту страшную пустоту. Нет, внизу – те же скалы. Была б река, он бы почувствовал её. Но неужели могила? Неужели мы для того спаслись, чтобы погибнуть тут? Нет, этого не должно быть! Этого просто не должно быть! Ведь мы спаслись! Мы для чего-то спаслись! Значит, должны жить! Значит, должны жить!

А в сердце закрадывался страх. А сердце пеленала тревога. Вот она, женщина, что для него сейчас дороже всего. Она надеется на него, она ждёт от него поддержки. А что он может? Чем он может помочь?

И всё равно нельзя расслабляться! Он должен быть твёрдым! Он должен быть сильным! Он должен стоять до конца!

Опять посмотрел наверх. Ну, почему никто не ответил? Ведь шёл же кто-то там! Слышал его крик! А

в сердце разрасталась надежда. В сердце рождалось тепло. Мужчина чего-то ждал. Мужчина во что-то верил.

Все мы во что-то верим. Всё мы надеемся на чудо порой. Пусть же чудо не минует этих людей! Пусть же чудо прикоснётся к ним!

Тот день для Марины был самым тяжёлым. Это же последняя надежда, последняя ниточка. Раздавленная, униженная - и некуда идти, не к кому прислониться. Нет, могла б пойти к подруге, но как? Да и та убежала - не догонять же её, не просить же, как милостыни, прибежища? Она замужем, у неё муж. Нет, везде лишняя. Да и эти разговоры, ведь подруга невольно будет о Кирилле говорить - не хочет она этих разговоров, не вынести ей их.

Нет страшней такой женщины. Женщины, для которой угас мир, женщины, в судьбе которой наметился крен. Не сладить ей с этим креном, он с каждым днём всё больше и больше, зловещей и зловещей. Нет, всякий крен можно поправить - если это пока только крен: подопри себя, подопри свою судьбу, и, пройдёт время, крен исчезнет. Надо только вовремя заметить его, вовремя прийти на помощь себе.

Так было и с Мариной. Страшный крен образовался в её судьбе. И этот крен вот-вот свалит её, свалит и задавит. А она и сопротивляться не может, у неё просто нет сил. Ибо незачем жить, не для кого жить, не для чего жить. Ибо в сердце пусто. А как жить с пустым сердцем, с пустотой в душе, с этим холодом? Она уже итак замёрзла. А что дальше - вечная мерзлота? Именно так - вечная и бесконечная, изматывающая пустота.

И она сдаётся. Она уже сдаётся. Она б сдалась.

Если б не увидела их. А она увидела, она столкнулась с ними – счастливыми, румяными, свежими - лицом к лицу. Она ужаснулась - себе ужаснулась, своему испугу, холоду своему ужаснулась. Рядом с ними – холод ещё сильнее, сердце покрылось льдом, душа застыла.

Он не узнал её. В этой женщине её было не узнать. Зато она глаз оторвать не могла от мужа. Статный, красивый, чудесный запах туалетной воды – он просто благоухал, он был неотразим! И женщина под стать ему: статная, вёрткая, нарядная. Эта копна золотистых волос, этот рот, эти губы, яркие, полные, этот смех. Никакого сравнения с нею, никакого сравнения! Только холод всё глуше, пеленает душу холод – теперь уже он её заберёт.

Но вот отстучали шаги. Дверь скрыла счастливец от неё. И душа взбунтовалась. Но он мой! Мой! Это мой муж! мой мужчина! И уже не хотелось отходить от этих слов. Хотелось бороться. Даже настроение поднялось. Точно, я буду бороться! Хотя, что бороться, если он мой?

И она встала на его пути.

- Я возвращаюсь домой. – Просто так заявила, как о чём-то вполне допустимом, как о чём-то решённом, не требующем объяснений.

- Как?! Ты?! Что ты сказала? Но я живу с другой, я не свободен. Ты сама ушла от меня, я тебя не держал. Ты сама искала иного счастья.

- Но я вернулась. Я вернулась к мужу.

- Но ты опоздала. У меня другая жена.

- Жена? Жена у тебя одна. Я твоя жена.

- Нет! Ты меня предала. Ты мне не жена!

- Я не дам развода! Я опорочу тебя в глазах лю-

дей!

- Ты не выиграешь. Ты просто цепляешься за соломинку. А я хочу жить. Отпусти меня! Просто отпусти!

- Не отпущу. Ты нужен мне. И я тебе нужна. Нам вместе доживать, нам осталось не так уж много.

- Тебе, может, доживать, - оглядел её,- судя по твоему виду. А я хочу жить! Я благодарен тебе за то, что ты сделала меня свободным.

- Но я ошиблась.

- Ты давно ошиблась. Ты пуста.

А вот этого лучше б он не говорил. И он видит, все видят. Тем более не отпущу! Не позволю счастливым быть!

Ох уж эти несчастные женщины! Жалкие - в своём одиночестве, ещё белее жалкие - в стремлении вернуть былое. Ещё больше пала ты в глазах мужчины, ещё ниже пала. Хоть теперь-то уйди, хоть теперь-то освободи дорогу. Не хочешь? Что ж, борись, только силушки не равны, ох, не равны силушки! Побережь бы тебе их, да на кого, на что, для чего побережь? Если ничего не светит, если впереди мрак один да пустота.

Вздыхнул мужчина. Сердце съёжилось, будто от холода. Нет, ты не выиграешь, женщина! Ты уже проиграла. И уже этим ты жалка, уже этим ничтожна. Ты потеряла своего мужчину, теперь уже навсегда. Лучше отпусти с миром. Зачем тебе суды? К тому же, наши суды не препятствуют расторжению брака - если нет детей, если ничего (кроме брака) не связывает супругов.

Так и сказал.

- Хочется ходить по судам - ходи! Но ничего ты не выходишь! Квартиру? Но тебе есть где жить. У тебя есть квартира родителей. Вещи? Что ж, вещи поделим,

если так хочешь. Но сердца моего не тронь, и души тоже. Они не делятся, они принадлежат другой женщине. Что приняла меня таким, каков я есть, что вдохнула в почти замёрзшую плоть жизнь.

- И всё равно я твоя жена! Я! Я!

- Ты была моей женой. Потом была женой того мужчины. Ведь он называл тебя женой, а ты называла его мужем. Теперь ты ничья. Теперь ты свободна.

- Но я ошиблась! Прости меня!

- Я давно тебя простил. Я давно тебя отпустил. Ты не моя. А штамп в паспорте – он просто штамп. Прощай!

- И всё равно я твоя жена!- крикнула женщина, только чтоб последнее слово было за ней. Но последнее - оно и есть последнее. Ты сама поставила точку в ваших отношениях, ты своими руками разрушила незыблемость брака. Чего ж ты хочешь от мужчины? Возврата? Возврата нет. Ушёл твой мужчина. Устал быть один и ушёл. Ты пренебрегла им. Ты слишком долго жила с другим. Ты просто ушла. А есть прекрасные слова: уходя, уходи!

«Что ж ты молчишь, Даша? Что ж не откроешься мужу? Да, мужу,- ибо вы к этому шли, ибо у вас семья, даже есть ребёнок».

Кто это сказал? Кто вытащил из души слова, что прятала она? И душа уже не хочет молчать – устала она молчать, устала скрываться. Да и к чему?

Кирилл. Кирилл вытащил её. Кирилл помог ей подняться. Как же она об этом забыла? Как могла наброситься на него, даже выгнать, когда узнала о жене? Но какая же страшная она, если так быстро всё забыла.

И в то же время она уважала себя. Именно за то,

что забыла, сумела забыть. Ведь сумела! Жизнь становится всё интересней. Жизнь не исчерпана. Похоже, она только началась. Столько сюрпризов! За какие-то дни! Главный же сюрприз – ребёнок! Он не только есть, он, и только он, протянул ниточку от неё к Кириллу. Не протянул (ибо она уже оборвалась), а подхватил обе ниточки и завязал в узелок. В крепкий узелок.

И всё же придётся ему обо всём рассказать. Или расскажут другие. Похоже, уже рассказали. Или – намекнули? Хорошо бы, если только намекнули. Тогда она всё расскажет сама. Она ещё что-то сможет. Она ещё светится. Она ещё может родить. Ребёнок выбрал в матери её. Значит, она чего-то стоит.

И всё-таки кто-то кричал. Просто главарь не хочет лишних неприятностей. Шаг, ещё шаг, ещё. Сколько раз они проходили здесь. По краю пропасти. Хотя вся их жизнь по краю пропасти. Балансируют, жмутся друг к другу, чтобы в ответственную минуту (спаси, Господи, от этой минуты!) рассыпаться как горох, каждый за себя, каждый о себе. Нет слаженности в их группе. Да и о какой слаженности речь, когда все они под дулом автомата. Пойдёшь – под дулом, и не пойдёшь – то же дуло в тебя. Кто-то должен таскать этот груз. Чем-то надо жить.

Это он о них. А о себе? Что можно сказать о себе, когда и имя своё почти уже забыл? Русское имя почти забыл. Нельзя произносить его тут, не простят этого. Тут он Ризван, русское имя Руслан - надо же, как созвучны имена, оба не простые, царственно гордые, приподнятые, красивые. А он? Нет, ни то, ни другое имя не подходит ему. Ибо он не гордый. Хотя... Хотя хочет быть гордым.

И всё-таки кто-то кричал. Крик этот до сих пор в сердце стоит. Нет, лучше молчать. Не надо злить этого хапугу. Он о них не думает, он думает лишь о себе. Где

уж о каком-то парне думать?

Шаг, ещё шаг, ещё. Всё дальше от пропасти. Всё дальше от человека, попавшего в беду. А крик так и стоит в горле.

Но главный не слышит. Не хочет спасти. А я не хочу его. Я вообще больше ничего не хочу! Но этот крик... Отчаяние в нём, мольба. Человек попал в беду. Ему оттуда не выбраться.

До сих пор стоит в ушах этот крик. Как он попал туда? Как не погиб? Будто из преисподней этот крик, будто из могилы. Только живой, живой этот крик. Человек хочет жить. Человек просит помощи.

Но Тархану лучше не заикаться. Нельзя злить его. А человеку надо помочь. А этот человек поможет ему. Поможет стать человеком. Устал он, до чёртиков устал.

Подожди, человек. Потерпи. И больше не кричи. Не надо.

- Не надо было кричать.

- Нет, надо. Я б не крикнул. Но ребёнок. Он ничем не виноват. Он просится на свет, он хочет жить.

Уже по-другому говорит. Уже остыл. Или шок прошёл. Какой он у него был - двойной, тройной? Падение, известие о ребёнке, защита, боль. Многовато на одного. Но он выжил. Он думает о ребёнке. Пусть будет так. Пусть думает хотя бы о нём.

- Мне надо тебе что-то сказать. Вернее, рассказать. Пока у нас есть время.

- Рассказывай,- и вздохнул.

Как быстро летит время. Неумолимо быстро. Вот она девчонка. Ершистая, колючая, зажига-

тельная. Поклонники. Вечеринки.

Вот она студентка, вернее, выпускница экономического ВУЗА. Опять поклонники. Вечеринки. Только уже не те. Более свободные, более раскрепощенные. Жизнь берёт своё. Или она берёт у жизни своё. Сначала мальчики. Вышивка, уединение. Потом мужчины – уже один на один. И всё же это не то. Чего-то большего ищет душа. Более волнующего, более острого, более азартного. Её направляют в другой город, она согласна, она хочет изменить жизнь, ей пора её изменить.

И вот. Валентин. Мужчина, что перевернул для неё мир, что поднял её на ту ступеньку, о которой она так мечтала.

Она стояла на улице. Города, что стал для неё убежищем, но пока не стал родным. Голосовала. Опоздывала в театр. Такси поленилась вызвать, а теперь они как в воду провалились (они всегда проваливаются, когда позарез нужны!).

И тут он. Подъехал, вылез, распахнул дверцу.

- Вам куда?

- В театр! Уже опоздала!

- Так садитесь! И с ветерком!

Только в машине разглядела водителя. Нет, не таксист. А она села именно в такси. Так ей казалось. Свежая причёска (сразу бросилось в глаза), обворожительные духи. Так, дальше. Рубашка импортная, чудорубашка, модный пиджак, где плечи широки, а дальше всё уже и уже. Без галстука – но он и не нужен.

- Валентин,- представился мужчина и легонько подмигнул.

- Дарья,- тоже чуть подмигнула она. И засветилась – как-то сразу расположил мужчина к себе.

- Вот и славненько! Вы одни? Ну, в театр идёте одни? Или кто-то вас ждёт?

- Одна. Опера идёт чудная. Давно хотела на неё. Некогда было куда-то звонить. Иду одна.

- И я один. Свободный вечер. А не рискнуть ли нам? Вместе в театр?

- А билет? Билеты, скорее всего, проданы.

- Но вы-то купили в последний день, даже в последний час?

- У меня там бронь.

- И у меня бронь.

- Тогда идёмте!

- Сногшибательно! Просто мне сегодня чертовски везёт! Подхватил женщину на лету - очаровательную женщину! А она оказалась свободной. На сегодняшний вечер свободной! Что ж, идёмте! Идёмте! Опера стоит того!

Шаг, ещё шаг, ещё. Все дальше от человека из пропасти.

А может, всё же надо было настоять? Нет, не послушались бы его. Шаг, ещё шаг, ещё. А если их схватят? Если их уже ждут? А я не использовал этот шанс. Я не помог человеку. Я не помог себе.

И опять. Нет, надо молчать! И сейчас надо молчать! Сейчас тем более надо молчать. Сделать вид, что поверил, что ничего не произошло. Что никто нигде не кричал. Главарь уже наблюдает за ним. Этот шакал видит всё. Знает всё. Кто о чём думает, что в сердце носит. Хотя у самого сердца нет. Не нужно ему сердце. С холодом в груди легче жить. Да и семьи у него нет. Потому он спокоен. Ведёт людей на верную гибель – ведь когда-то вычислят их, когда-то станут на пути,- и опять спокоен. В тюрьме тоже можно жить. А с умом так неплохо там люди живут. А ум у него холодный, расчётливый. С ним он нигде не пропадёт.

Нет, даже виду не подавать, что замыслил что-то. От себя скрыть – чтоб этот шакал думы не прочитал. А там видно будет. Им бы только до места дойти. Им бы только дойти.

Шаг, ещё шаг, ещё.

Женщина невольно улыбнулась. «А она любила его! А может, и сейчас любит», - подумал мужчина. И как-то съёжился. Заревновал. Уж такая чарующая улыбка была у неё на лице. Хотя, что ревновать к прошлому? Зачем завидовать тому, что уже прошло? И всё равно неприятно - не ему улыбнулась женщина, а тому, прошлому, от которого отказалась, от которого сбежала. Выходит, любила? А она и не скрывала этого, она рассказала всё. Пусть не всё, но ведь не утаила своей привязанности, своих чувств, что было, то и показала.

Но дальше он не хочет слушать. И хочет. От этого зависит многое - ведь это её жизнь, её судьба. От чего она сбежала? Что стоит за этим? Нет, он слышал кое-что от мужчины, а теперь хочет послушать от неё, сопоставить факты, только тогда всё станет на место, только тогда он что-то поймёт. А поняв, что-то придумает. Сейчас же ему не от чего оттолкнуться. Кругом загадки, кругом шарады. Вся жизнь шарада. Кстати, и он должен ей рассказать о себе. Хотя – что ему рассказывать – его жизнь, по сравнению с её жизнью, так, ничто. А вот у неё. Дрожь прошла по телу. Что-то страшное хранила женщина, какую-то тайну. И она вот-вот поведает ему её.

Женщина продолжала улыбаться. Женщина была там, в своих грёзах.

Опера действительно стоила этого. Шла «Кармен». Прекрасная музыка, прекрасная актриса – обво-

рожительная, горячая. Её глаза лучились и играли, её грудь вздымалась, волновала. Казалось, это была не женщина, а божество. Дарья сходила с ума, а уж мужчины? Мужчины давно сошли с ума от такой красоты.

И её (надо же, уже её!) мужчина сходил с ума. Всё чаще её руки – где-то нечаянно, где-то просто в порывах волнения, страсти - касалась рука Валентина. И Дарья радовалась этому. Рядом с ней не просто мужчина, - мужчина- огонь! Он волновал её, он протягивал невидимый мостик от себя к ней.

Закончен спектакль. Единым вздохом проводила публика последний раз выходявшую на аплодисменты (это тоже чувствует публика) актрису. И вот опять его рука коснулась её руки, невольно сжала. Рука была влажной, горячей. И опять этот вздох. То сердце мужчины от одной женщины переключилось на другую. Более доступную, более открытую. Хотя, кто знает.

Но она ждала. Его взгляда, его глаз – как он посмотрит на неё - после той? Какой увидит её - после той? Ласково посмотрел, любуясь. И отомкнулось сердце женщины, скинуло оковы. Зачем оковы - коли такой мужчина рядом? Коли он оказался рядом? С нею! Именно с нею!

Нет, не корила себя. Что сразу впустила его, что сразу отдалась. Корила б, если б не впустила, если б закрыла себя. Мужчина всё видит – и скорее простит твою податливость, чем отстранённость, желание скрыть свою страсть. Она не скрывала. Она хотела этого мужчину. Она его получила.

Вздох нечаянный прервал её мысли, прервал её рассказ. Она и сейчас любила этого мужчину, она и сейчас тянулась к нему. Ибо только он заставлял её

сердце вздрагивать и трепетать, только он мог так неистово целовать, так горячо и в то же время нежно, обнимать, ласкать. Только он. Нет, Кирилл тоже хорош, очень хорош, - но тот лучше, тот всё же лучше.

Закусила губу. Отчего-то так жаль себя. Отчего-то хочется плакать.

Шаг, ещё шаг, ещё. Уже немного осталось. Хотя, нет, ещё порядком идти. Всё дальше от человека, попавшего в беду. Всё ближе к смерти.

К смерти? Нет! Он не должен умирать! Именно сейчас он не должен умирать! Заслони, Господи! На этот раз заслони! А другой раз... А другого раза уже не будет. Это последний его путь с противной ношей. Последний. Да, он несёт зло, он несёт смерть. Но этот раз он должен прийти живым. Но этот раз он должен прийти незаметно. Все они должны прийти незаметно.

И опять. А стоит ли этого тот человек? Что кричал, что в пропасти сейчас? Стоит ли он его жизни и стоит ли он жизни тех, кто с ним в связке? Ведь он один, а тут сколько жизней? И всё равно он хотел ему помочь, всё равно он хотел его спасти. Как он кричал! Как страшно он кричал! И всё это камень. А кто столкнул этот камень? Не всё ли равно. Кто-то столкнул и забыл (вернее, постарался забыть, постарался не выказать себя), а он до сих пор не может забыть. Ибо этот камень родил крик. И этот крик до сих пор в горле. Так кричит человек, попавший в беду, человек, взывающий о помощи.

Скорее, и человек догадался, кто прошёл над ним. Кто тут ходит, по краю пропасти, кроме них? Кто тут может ходить? И всё равно крикнул. Ибо не мог не крикнуть. Ибо сердце вытолкнуло эти слова. Ибо это последняя надежда, последний крик.

Потерпи, человек. Я помогу тебе. Я постараюсь тебе помочь.

Но откуда ж ей было знать, что этот мужчина погубит её? Как погубил уже много женщин.

Все мы хотим любви. Какой? А каждый своей. Она же хотела азарта. Ибо авантюристка по природе, ибо азарт - часть её личности, ибо скучная жизнь не для неё.

Авантюра – это и есть её жизнь.

Она и сейчас ни о чём не жалела. Лёжа рядом с Кириллом, в гроте над пропастью. Она была в своей стихии. Так же ёкало сердце – от страха, от боли, от безысходности. Но оно жило, её сердце жило своей жизнью. И во что-то верило. Как всегда. Как раньше. Сколько их было, - авантюры? Сколько? Вся жизнь её - сплошная авантюра. Этим она и интересна.

Но сейчас уже серьёзно. А раньше? С тем же Валентином? Там было не серьёзно? Очень серьёзно. Но тут покруче. Хотя, и там, казалось, уже не было выхода.

Он подловил её на желании красиво жить. Все мы желаем красиво жить. Только одни ради этого идут на всё, а другие, что послабее, похилее (а может, поумнее) отходят в сторонку. Так со сторонки и наблюдают красивую жизнь. Да пускают слюнки. Да защищаются ничемными словами - это не жизнь! Это предел! Запретная зона! И опять вздыхают - такой уж у них удел – охать да вздыхать, если большего-то не могут.

Да, он поймал её на желании красиво жить. Как-то больно уж ловко поймал. Одно колечко подарил (бросовое, под бриллиант), второе – уже подороже.

. У неё глазёнки горят. У неё пятнышки по телу.
Ну и рискнул.

- Дашенька, помоги мне, пожалуйста!

- Сколько угодно! – Примеряя в сотый раз – нет, уже не кольцо,- пеньюар. Уж так он любит её! Уж так он взволнован!

- Забрось, пожалуйста, вот этот дипломатик на Садовую!

- Когда? Сейчас?!

- Нет. Завтра. Сейчас дипломатик пусть полежит. Это не к спеху. А мы с тобой полежим. Нет, не снимай пеньюарчик, ты в нём такая сексуальная! Ну, иди ко мне! Иди, Незабудка моя!

«Незабудка!» Это что-то новое! Да и глаза его по-новому горят. Нет, этот мужчина точно сведёт её с ума!

Подхватил, не позволил ей сделать лишние шаги, и, как пушинку, на руки. Да целует, целует, целует.

Шаг, ещё шаг, ещё. Боже, как он устал от них! Как он от них устал! Вообще от жизни устал. Так запутала его жизнь, так спеленала - не вылезти из этого плена, не выдрать себя. И всё равно хочется выдрать, а если хочется, то он ещё что-то может. А он хочет жить. Именно жить. Ведь до сих пор он не жил. Нет, раньше жил - до того времени, когда влез в это дело, до того времени, когда полностью завяз.

Как же мы бывает глупы! Просто непосредственно глупы! Алчно глупы! И его погубила алчность, это тогда казалось (или так успокаивал совесть свою), что немного побалуется и всё. А затянуло- с первой минуты затянуло - да в такую яму бросило, что хоть вой - не выбраться из неё, даже не пытайся! А если и

выберешься- то уже другим. Того, прежнего, уже не будет - сам похоронил себя, сам себя закопал.

И всё деньги. На деньги клюнул, на деньги душу свою променял. А в результате - ни жизни, ни денег, ни совести. Ибо невозможно назвать жизнью то жалкое подобие, что он сейчас влачит, ибо нельзя назвать деньгами то, что ему заплатили (обещали много, дали чуть), а уж о совести вообще говорить не надо- пропил он свою совесть с дружками, пропил да в карты проиграл. На кутежную, запойную жизнь променял он свою совесть, свою честь. Честь? Уж о ней тут лучше молчать - нет у него чести, а может, и не было,- иначе б не натворил такого, иначе б не пустил себя на распыл.

И всё равно хочется жить. И всё равно хочется выбраться. Видимо, не всё умерло в нём. Видимо, не всё сердце испоганил, испакостил, остался какой-то живой кусочек, и он ноет, скулит, взывает о помощи. А если остался - о, это уже радость! – то он выкарабкается, он обязательно выкарабкается - чтоб приумножить этот кусочек, нарастить - за счёт силы воли, за счёт жизнелюбия. О, Боже, о жизнелюбии говорю! Но ведь говорю, говорю! И всё больше люблю себя! Именно за жизнелюбие, именно за то, что не сдался (ведь не сдался, не сдался!), именно за этот кусочек сердца, живой кусочек, родной, пусть маленький, но он есть, он во мне! Именно за то, что - пусть искореженный, переломанный, сто раз битый – хочу жить. Жить – чтобы вылезти из этой ямы - и я вылезу! точно вылезу! силы чую в себе! А если вылезу - пусть не сразу, пусть через что-то страшное, даже постыдное (постыдное- это тюрьма), то обрету в себе человека, назову себя человеком, и уж буду блюсти этого человека в себе, блюсти и лелеять.

Шаг, ещё шаг, ещё. Как глупо он попался тогда.

И на чём попался. Опять же на жадности. Жадность – а если б не она, если б не эта зверюга, затягивающая нас в сети, он бы мог выйти тогда из игры, и при деньгах. Ему же надо было много денег. К тому же, ему не доплатили - ему казалось, не доплатили - хотя в душе другие шептались слова, хотя душа-то соглашалась. Он сам виноват, он не доделал дела, он переложил часть своей ноши на другого- вот и заплатили другому, а ему дали то, что заслужил. А он взъерепенился - ведь мало же, мало! А он оцетинился - он большего стоит! он большего хочет! Уж так хочет! А он полез на рожон: дайте мне ещё задание, я не откинусь, я не подставлю себя! И вас не подставлю! Никоем образом! Помялись, порычали, но задание дали. Трудное задание, не то, о чём он думал. А о чём он думал? О чём, вообще, он думал в жизни своей? О деньгах: чем больше их, тем лучше! И опять о деньгах - чтоб показать себя, чтоб людям доказать: не пешка он - король! Ну до короля-то он не дотянул - все мы в мыслях да во снах короли, но уж так он хотел хоть чуть походить на короля, уж так старался.

Прежнее задание было шуточным, по сравнению с этим - шуточным. Надо было помочь перетащить одному парню краденую машину через границу. И он помог. Махом. А что не получил сполна - так подельнику (они работали в паре, чтоб было наверняка) доверил переезд границы.

А местечко он знал. Ещё в детстве наблюдал раз, как переправляли машины- по лёгонькому болотцу, в пяти километрах от поста. Он ещё подумал тогда: что это они говорят шёпотом? Да всё озираются, будто боятся кого? Одно сообразил: спрятаться! схорониться на всякий случай! Пришлые - они и есть пришлые, чёрт знает, что у них на уме! И вот слышит разговор, вернее, свистящий шёпот.

- Нам бы только это болотце одолеть. Да часть леса. А там уж мы на воле. А там уж нас ждут.

- Вот именно, только... Не завязнуть бы тут навечно, в этом вонючем болоте!

- Ну, об этом не тужи! Не впервой тут хожу!

Еле сдержался тогда. Так хотелось кому-то об этом рассказать. Но что-то путало душу, что-то томило, не давало просочиться словам. Это была его тайна. А тайна тем и хороша, что тайная, сокрытая. Своим мальчишеским умом он понял тогда, что тут что-то нечисто. А потом, спустя время, вообще сообразил, что к чему. И ещё больше зауважал себя, ещё весомей стал. Загадочнее. Он- носитель тайны! И какой ещё тайны! Тайны века!

Он будто чувствовал, что когда-то пригодится ему эта тайна. Что когда-то она сыграет на него. И вот это время пришло. Он в деле. Он сам, как когда-то те мужики, по тому же болоту проводит машины (именно машины, партию машин). И ничуть не боится. Будто тайна помогает ему. А она и помогала, окрыляла, пела в нем, он чувствовал себя королём. Да, в этой стихии он король! Ибо один он знает, где вести машины (не зря же тогда сидел в прибрежных кустах, весь путь высмотрел!), где вывести. Да и дальше дорогу знал (тут уж заранее разведаль - опять же для того, чтоб действовать наверняка!). Так что первое задание они выполнили с честью. Правда, он допустил небольшую осечку, дозволив вести головную машину новичку (он-то не новичок в этом деле, он-то всё знает!). Просто казалось, что сбоку легче наблюдать. Наблюдать да давать команды: чуть влево! А теперь чуток на этот бочок! Так-так, тут пряменько! А тут небольшая ямка, тут осторожнее! (надо же, и ямку запомнил, вон как из памяти выпрыгнула!) И он вывел машину. Без сучка, без

задоринки проскочили! А там уж сам вёл, первым шёл, а подельник за ним, в другой машине. За час переправили шесть машин. Не хило, а? Не хило! Только вот подельнику отчего-то деньжат чуть больше кинули. Ну да ладно! Это он переживёт! Это он уже пережил – как и то, что после машин его кинули на контрабанду. И опять деньги – всё ради денег. Даже имя своё забыл, да что имя - мать свою перешагнул.

Шаг, ещё шаг, ещё...

Как не хочется дальше идти. Остаться бы там, с тем мужчиной, да в той поре - когда он горел, когда зажигал, когда страсть их была такой яркой и полной. Когда... Да что тут вздыхать - нет того времени, и мужчины того нет - растаял мужчина, и если б он только растаял.

Как больно сердцу. Она не ждала этого. От своего мужчины она не ждала подвоха. Она вся раскрылась перед ним, всю себя отдала, до крошечки, а он... а он... Лучше б она не знала его! Лучше б не видела, не слышала! Лучше б она не прикасалась к нему!

Но она прикасалась. Она упивалась им. А он упивался ею. Но как он мог, после этого, так подставить её? А он её подставил. Почему?

Кирилл остановил её. Понял, что дальше будет самое сложное, и остановил. Пусть отдохнёт. Но она уже распалилась. Ей нельзя отдыхать. Ей надо идти до конца - с Кириллом или без него. Лучше бы с Кириллом. Всё выложить из сердца, опростать его, и будет легче. Только опростать, опростать. Хотя так запутала свою жизнь (да и не только свою), где уж тут легче? Где уж лёгкого ждать?

- Нет, я пойду дальше. Мне надо выговориться -
Говори!

С этого чемоданчика всё и началось.

- Вам Кирилл просил передать. Держите! – И даже не посмотрела – кто вышел к ней, даже не удосужилась чуть оглядеть.

Дорого потом будет стоять ей эта оплошность. Но ведь она так торопилась. Торопилась доложить своему мужчине, что его просьбу (просьбу!) выполнила. Торопилась получить благодарность. Он так ласково благодарил. Нет, до сих пор благодарила она. Теперь очередь за ним.

- Отдала,- только и сказала она, войдя в квартиру. И отчего-то холодок прошёл по спине. Он так смотрел на неё, просто устремил свой взгляд на неё и чего-то ждал. Но отчего так дрожат его руки? Или ей только показалось?

- Кто вышел?

- Как кто? Парень какой-то. Я сказала – ты просил передать. Он забрал и ушёл. А я побежала к тебе! Я так соскучилась!

И у неё тряслись руки. Только она не замечала этого. Она тогда вообще ничего не замечала.

- Как же я соскучился по тебе! – Это он. Взволнованно. С любовью. С нежностью.

Ну, почему мы все глупеем от любви? Куда-то пропадает испуг, куда-то исчезают иные инстинкты. Скорее, не пропадают, не исчезают - мы просто не слышим их, не хотим слышать - целиком во власти любви, во власти прекрасного чуда.

Вот и она попала тогда в сети любви. Как глупышка попалась.

Это было первое её поручение. За ним последовали другие. Она стала курьером в очень опасном деле. Валентин подставил её, сделал её заслонкой. Она заслоняла его, хоть на время, – на то время, в которое можно замести следы

- Какая ж ты дура! Куда ты лезешь? С твоей мордашкой да с задницей твоей лучше б в проститутки шла!

- Что?! Что ты сказал?! – А уже страшно, а уже сердце жмёт. Уже и сама стала напрягаться: что это она всё носит этим делягам? Каждый месяц? Даже хотела у Вали спросить. А тут –это.

Опомнился парень. Не надо было, ох, не надо! Да уж вылетели слова, да и жалко девчонку.

А вот и подельник идёт. Ходил в лавку за «керосином».

- Ша! Молчок! – тихо ей. А громче.- Всё! Спасибо! Пока!

- Пока! – Стараясь ступать бодро, она пошла навстречу подельнику. Её подельнику. Это она поняла сейчас. Она - наркокурьер. Она связана с этими бандитами. А её Валя – бандит, он главный в этой цепочке.

Вот когда захотелось сбежать. А ещё больше хотелось всё вылепить в эту наглую рожу, что шла на неё, что присматривалась, приноживалась: знает, не знает? Нет, не сейчас! Спокойно, даже чуть улыбнувшись, прошла мимо парня, и тот оглянулся. Видимо, всё же не спокоен. Но ей до него нет дела! Ей бы себя спасти! Ей бы самой спастись!

Но как же она ругала себя. Ведь так попасться, так вляпаться может только самая последняя дура. А она и есть дура! Набитая дура!

Вышла из подъезда. Огляделась – не наблюда-

ют за ней? не пасут? Усмехнулась: а не поздно ли оглядываться? Не поздно ли, матушка, пугаться? И совсем стало страшно. Бежать! сейчас же бежать! - эта мысль пугала и направляла, эта мысль куда-то звала. Просто тащила, тянула изо всех сил. А она ещё колебалась. А ей ещё было чего-то жаль. Она ещё на что-то надеялась. Не могла она уйти, не простившись. Не могла просто так, без единого слова, раствориться, уйти. Боялась. И не только того, что убьют. Не меньше боялась расстаться с Вале́й. Такой он сладкий, такой он нежный. Ещё хотя бы ночь, одну бы ноченьку.

Вот так запутывает нас жизнь. А мы ещё радуемся – и тут нам хорошо, а там ещё лучше. А что лучше-то? И где это там? А потом приходит пора, когда и там ничего нет, и тут потеряно. Вот тогда мы взбрыкиваем ножками – как это так? всё было хорошо, и вдруг? А вдруг ли? Вдруг ли, милый мой? Ни сам ли ты порушил хорошее, ни сам ли (по дурусти или по глупости) лишил себя того, что составляло смысл жизни, что было спокойным, вечным? Ах, тебе стало скучно? Тогда вовсе не на кого пенять – ты искал улады, ты её нашёл, а улада и есть улада – насладился, и нет её.

И с чем ты осталась, Марина? Сама с собой. Нет, иная и тут бы не растерялась, свобода - это тоже неплохо. Можно начать жить сначала, можно как-то её перекрыть. Это было бы лучшее, что ты могла сделать в этой ситуации. Но тебя задели. А самое страшное - тебя предали. Так тебе казалось – предали. Хотя сама ушла, сама искала улады. Ах, ты не рассчитывала на такое? Понятно. Ты считала Кирилла запасным. Потому и удивилась, узнав, что он из запасных давно пере-квалифицировался в нападающего, что он сам кроит

свою жизнь, что после бегства твоего сначала взбунтовался, а потом заново стал строить жизнь, и построил, но уже не с тобой.

А его женщина хороша! Молода, прекрасна! Это-то и не даёт покоя тебе, это-то и будоражит, не позволяет смириться с мыслью, что Кирилл для тебя потерян, это-то и подстёгивает: нет уж, дудки, я вам не дам, я вам просто не позволю счастливыми быть! А что ты можешь? Да ничего? Ах, есть ещё суд? Хочешь оттяпать мужика у этой красотки через суд? Тогда вовсе дура! А будешь ещё смешной – когда расскажешь всё суду (а придётся рассказать!), когда выслушают и Кирилла (он не будет скрывать ни твоего побега, ни новой женщины). И что останется тебе? Вернее, что достанется тебе? Какой приговор вынесет суд?

Любой?! Только бы был суд? Ну, ты и птаха! Ну, ты и тварь! Ну, ты и ледышка...

Опять вздох вырвался из груди Даши. Словно обручем сдавило сердце. Он не оставит меня в покое! Он никогда не оставит меня в покое!

Не говорить бы дальше. Дальше так страшно. Дальше – одна боль. Но и не говорить нельзя. Ведь уже почти всё сказала.- Вот именно, почти всё? Может, хватит? Нет, если начала, говори всё! Да и самой будет легче, хоть чуть легче. Хотя так страшно, так страшно. И всё равно надо, надо, надо.

Да, лучше б они расстались сразу. Он и остался бы в памяти нежным, ласковым. Самым сладким мужчиной на свете. Она даже б простила б ему то, что он её подставил. Женщина может простить всё. Если любит.

Но она вернулась. И уже переступив порог, поняла, что совершила ошибку. Ибо она вернулась иной. Обманутой, подставленной. И глядела на него уже с этой позиции. Хотя, думала, что и это сможет: не показать виду, скрыть. Не смогла. Спала пелена. Она и его увидела другим. Ибо смотрела уже другими глазами. Ибо уже всё знала. Вот она, растерянность, вот он, страх. Так же дрожат его руки, так же он напряжён. Так же глядит на неё. Но теперь-то она знает, почему он так глядит, что он ждёт от неё.

И она попалась. Она опять попалась. Но почему она не послушала внутренний голос? Почему не прислушалась к нему? Он останавливал, он предостерегал, он умолял её: беги! скорее беги! – ещё там, в том доме. И опять умолял, уже у этой двери: не ходи! слышишь, не ходи! А она пошла. Ей хотелось взглянуть в его глаза. Да, именно это тянуло её - его глаза. Что она увидит в них? Ужас? Боль?

А ещё хотелось его покаяния. И вот она напротив него. Он всё понял. Ужасом загорелись глаза, ужас сковал душу. Волосы враз повлажнели, плечи опустились, и весь он повял. Её чудо- мужчина повял как цветок. Цветок, в который бросили отравы.

- Ты привела ментов? Ты меня подставила, сучка? Да?!- Вот слова её мужчины.

Враз повяла. Враз сварилась.

- Это ты подставил меня.

- Ишь, прикинулась дурочкой! Её подставили!

Ты за всё получала сполна!

Это были самые ранимые слова: «За всё получала сполна». Он использовал её, как самую последнюю тварь. Он заманил её красивыми штучками, красивыми словами, постелью. Боже, кто я?! Дрянь - вот кто я! И всё же сопротивлялась душа. Отталкивала это слово.

Нет, я не дрянь! Это он дрянь! Я просто женщина! Женщина, что любит подарки.

Но не ему доказывать это. Он всех покупал. Он покупатель. Шантажист. Больше не проронила ни слова. Зато он ронял слова. Ибо боялся, ибо был напуган. Откуда ж ему было знать, что её просто пожалели, предостерегли?

- Тебя залапали? Где? У них? Или по дороге?
Говори же, сучка! Говори!

- Никто меня не залапал. Сама догадалась заглянуть в дипломат.

- Ты не могла его открыть!

- Могла! Я тоже кое-что могу!

- Ах, ты тоже что-то можешь?! Стерва!- Он бросил её на пол, он пинал её ногами. Он был неистов. Он шипел, брызгал слюною, он просто выходил из себя.

А она молчала. У неё уже не было сил, у неё уже не было сердца, чтоб чего-то чувствовать, не было души, чтоб сопротивляться. Она просто умирала – от жалости к себе, от обиды, а больше от его вида. Где он, нежный, ласковый? Где?! Где тот Валя, что так любил, такие слова шептал, так страстно обнимал? Растаял Валя, как свеча. Вместо него - вот этот дьявол, этот зверь, что готов её убить, раздавить, расплющить.

Но вот прошёл испуг. Спало напряжение. И он опомнился. Но ведь не было звонка! Его имя в их сотовых стоит первым в числе абонентов. Им только нажать и крикнуть одно слово- «Валюха!» Это слово было кодовым на случай провала.

Но слова не было. Сотовый молчал. Он зря напустился на девчонку. Просто сдали нервы. А теперь? Что делать с нею теперь? Уговорить? Умаслить? Не получится. Придётся убить. Хотя, почему убить? Зачем убить? Если сотовый молчит, если нет провала?

И всё равно убить! Ибо она догадалась. Ибо она может предать.

Даша опять остановилась. Передохнуть. Хотя вся горела, хотя вся дрожала. В душе бились слова. Господи, как страшно жить! Как страшна жизнь!

Ломит виски. Тупая, ноющая боль. Как не хотелось вспоминать это, как хотелось всё забыть, забыться, навсегда вычеркнуть из памяти эти дни. Но память возвращается. Всё возвращается на круги своя. Если не доделано, если тянет что-то, свербит.

- Даша, не надо дальше! Я всё знаю. Побереги себя.

- Именно потому и надо дальше - чтоб скинуть всё, чтоб поскорее покончить с этим.

Покончить? Нет, до конца ещё очень долго. До какого конца? И где он? Но хотя бы этот груз свалить с души, хотя бы это свалить - всё будет легче, хоть чуть легче душе.

Никогда так не глядел на неё Валентин. Не было у него таких глаз. Будто чужие глаза, будто подменили. И не только глаза - будто всего подменили. Не её это мужчина. Она не знает такого. Она боится его.

Даша прочитала приговор в его глазах. Они сделались твёрдыми и холодными. Стало страшно. Просто немоготу. Хоть и шептались в сердце слова: он не может... он любит меня... Но страх пересиливал эти слова, страх пеленал и мял. Страх был сильнее всего. И вот. Неужели он может меня убить? Неужели он убьёт меня? И не отшатнулось сердце от этих слов, не сломалось, не упало – сердце приняло эти слова и утвердило - как утверждают жизнь, как утверждают смерть. На этот раз сердце утвердило смерть.

Сначала стало страшно. А потом родилось зло. Если так, если ей грозят смертью, то и она будет вдвое, втрое, вдесятеро хитрее! Значит, она будет лавировать, значит, она будет играть. Играть дурочку. А что ей остаётся? Не умирать же, вот так, запросто, - пусть даже умной? Пусть очень умной, но сломленной, раздавленной, избитой? Нет, смерть в её планы не входила. В её планы входила жизнь. А с ним или без него - это уже другой вопрос. Вопрос, на который она ответит потом. Сейчас же надо сыграть дурочку, сейчас же надо вывернуться наизнанку: пищать, реветь, ползать на коленях, наконец, умаливать, - но жить, именно жить! Ибо кем она умрёт? И за что умрёт? Падалью она умрёт, и за падаль. А уж вот это нет! Ни за что нет! Падалью она никогда не была и не будет! Да, она любила мужчин. Да, она была доступна. Но, опять же, по любви, по страсти. Но чтоб за любовь (а за любовь ли?) умереть? Нет, это слишком! Даже для такого мужчины, как Валентин, слишком.

Она была неприятна себе. Но ещё больше была б неприятна, если б поддалась, если б утвердила смерть. А она ещё поборется! Она ещё поборется за свою жизнь!

И она сыграла дурочку. Она постаралась быть дурочкой. Ничего не видит, ничего не понимает. Она ещё на что-то надеялась. Она жила. Это была её стихия. Это была своего рода авантюра. В такие минуты лучше всего работал мозг. Ибо он тоже напрягался, горел, искал выхода. Она промолчит. Прикинется обиженной. Она «поймёт» своего мужчину. Она постарается его понять. Она вызовет жалость в нём. Надо выиграть время! Заставить отложить исполнение приговора! Надо его заставить сделать это! И она заставит. Она будет играть. Она умеет играть с мужчинами. Он плохо знает её.

Звон родился в сердце. Он ещё не знает об её победах! Как же хорошо, что он не знает о них! Ведь сколько раз хотелось рассказать, но что-то держало, держало. Это уже была мудрость. Значит, она далеко пойдёт. Далеко? Хотя бы уйти от могилы. В душе родилось зло, ещё больше зла. Я обязательно выберусь отсюда! Я обязательно выпутаюсь! Хитрая женщина. Тёртая женщина. Женщина, что сотворила себя сама.

Пусть она допустила ошибку. Она прощает себе эту ошибку. Просто она стала мудрее. Она лучше знает жизнь.

Напряглась. Но вот расслабилась. Прикинулась обиженной, дурочкой такой. Мужчины любят дурочек. Она чуть-чуть побудет ею. Для своего же блага. Лежит и стонет, едва слышно, обиженно, слёзы в глазах. Мужчины не переносят слёз. Мужчины только стараются быть жёсткими. Но если женщина не сопротивляется, если женщина плачет, они пасуют.

- Я так любила тебя! Я верила тебе. Я на всё шла.- Да, она на всё шла. Надо показать это. Что и раньше знала, что и раньше догадывалась - и шла. Мужчины любят женщин, готовых на всё. На этом и играла она. Они оба играли. Кто переиграет?

- Не надо этих слов! Вообще замолчи!- Но уже стал на ступеньку ниже, уже охладил свой пыл. А это уже что-то значит. А это уже маленькая победа. Даже вскинулось в сердце на миг: он уже не сможет меня убить! он уже не сможет. И пусть это было неправдой, пусть в его глазах по-прежнему читалась смерть, но и жизнь уже жила там, теплилась. Она уже одержала победу. Пусть призрачную победу. Сейчас он чуть расслабился, сейчас его сердце чуть сломлено, тревожно. Сейчас он уже не сможет её убить. А может,- сможет? Кто знает их, мужчин? Кто знает их, бандитов? Бандит

- и есть бандит, в первую очередь он защищает себя, в первую очередь выгораживает себя, любимого. А тебя? Тебя просто в такие минуты нет! Потому и надо идти вперёд - пока он расслабился, пока он чуть (хоть чуть!) не уверен в себе. Если ты не пойдёшь дальше - он пойдёт дальше.

Боже! Скольких сил ей стоило это! Скольких сил! Сердце рвалось от натуги, душа противилась, сопротивлялась (ведь насильовала её, гнула, мяла!). А что было делать, если грозили смертью? Что было делать, если так хотелось жить?

И она идёт дальше.

- Милый! Я больше не могу! – Хитрунья! Лгунья! Подлиза! – Ты измучил меня! А я хочу быть ласковой, нежной. Хочу тебя ободрять, при..., - чуть не вырвалось «приподнимать», нашлась, - красный мой!

Пусть не поверит, пусть возмутится, всё пусть, - но слово это сделает своё – ибо нет синонима слову «прекрасный», вернее, есть, но уже не то, не того разряда! Такое сильное - оно одно! И значит так много!

Встал, напрягся, опал. Слово сделало своё дело, слово настроило на любовную волну, слово отринуло все другие слова.

- Незабудка моя! Нежная, нежная моя! Прости! Прости меня! – Что он говорит? Какие слова? А слова вырываются из души, слова бегут и бегут.- Нет, я не предал тебя! Я боялся за тебя! Я запутался.- И сник.

Шаг, ещё шаг, ещё. Всё ближе они, всё больше времени отделяет его от человека из пропасти. Уже пора уходить. А страшно, ох, и страшно! Везде глаза и

уши. Все следят друг за другом. Иначе нельзя. Они в одной спайке.

Вот-вот опустится вечер, а потом ночь. Здесь ночь наступает мгновенно: только что было светло, и уже ночь. Но это и хорошо, для него это очень хорошо. Люди устали, люди ждут ночи. Даст им главарь передохнуть или нет? И не спросишь - опять подозрение, опять будут наблюдать.

Другой попросил.

- Хоть чуть бы отдохнуть! Ноги совсем не идут.

- Полчаса! И не спать! И много не есть - еда забирает силы, еда расслабляет.

Нет, нельзя сейчас! Только не сейчас! Сейчас все должны быть на месте. А вот потом, когда тронутся, можно попробовать. Сейчас же отдыхать, копить силы. Да поможет ему Аллах! Да поможет ему Господь! Вот до чего вжился, бога родного забыл!

Даша дремлет. Даша копит силы. Хотя бы для того, чтоб подольше пожить. Значит, на что-то надеется, значит, чего-то ждёт. Нет, Кирилл не может дремать. Даже расслабиться не может. Нельзя ему расслабляться. Он должен быть злым, он должен быть упрямым и злым. Злой мозг протестует, не сдаётся, злой мозг рождает нужные мысли.

Нужные мысли пока не рождаются - они просто не могут родиться из ничего, пусть же пока хоть какие-то мысли будоражат мозг - только чтоб он бодрствовал, только чтоб не спал. Он должен быть начеку - ведь кто-то же слышал его крик, и этот кто-то может прийти на помощь. Может прийти. Вот и бегут мысли. Так, ничемные.

А они чем-то схожи. Моя Маринка и этот, Ва-

лентин. Оба собственники, оба злоки. Оба обойдённые, оба не сдаются. Даже помыслы чем-то схожи. Оба не дают проходу, оба наседают, грозят: или я, или никто!

Маринка. Ничто не шелохнётся в сердце при имени этом. Ничто. А прожили четверть века. Впустую прожили. Выходит, впустую. Двадцать пять лет! Двадцать пять лет вычеркнуто из жизни. Выброшено в кусты. Пустая жизнь, пустые годы.

А ведь, казалось, любили. Казалось, жили хорошо. А тут, как-то враз, пришло отупение. А может, оно и раньше было, только глушили в себе его, может, и раньше толкалось в душе: для чего живёте? что топчите жизнь? И опять они перекрывали эти слова, закрывались от них - так лучше, так легче, все так живут. Но копилось зло - да, уже зло, отупение сменялось неприязнью. А неприязнь самое противное чувство на земле. Куда хуже ненависти. Ненавидеть можно любя - просто не нравится что-то в человеке, или обидит сильно, и выхлёстывается ненависть - резкими словами, жгучими взглядами, вскриками, болью. Это протест - на обиду, на ту же боль, это порыв души - защитить себя, заслонить от оскорблений - ибо они чужды душе, ибо их отталкивает душа, ибо их не хочет душа. Но проходит время, и ненависть слабеет - ведь слова высказаны, напряжение спало - ведь человек понял тебя, просит прощенья. Тут и рушится зло, обида сменяется тоскою, тоска возвращает любовь.

Да, неприязнь куда хуже ненависти. Неприязнь - это уже всё. Тут нет лекарств, тут лучше разойтись, пока неприязнь не родила ещё более поганое чувство - отвращение. Нет, они не дошли до отвращения, и то, слава Богу. Неприязнь сменилась безразличием - для него безразличием, и он рад этому. Только в сердце холодок - не туда ушли лучшие годы, не на то лучшие

годы ушли. Но они ушли, что ж о них тосковать. К тому же, сейчас у него всё хорошо, а будущее обещает быть ещё лучше. И он отпускает прошлое – пусть это будет плата за его счастье, за то, что ждёт впереди.

Нет, не спит Даша. Настоящее не даёт уснуть. А тут и прошлое стучится, напоминает о себе. Да и Кирилл ждёт – ему надо знать всё.

Да, в тот раз она вывернулась. Валентин смягчился. Понял, что всё это зря, что ничего страшного не произошло, и сник.

Вот он стоит перед ней: ещё злой, ещё клокочет грудь – такой страх пережил, такую муку, но и виноватый, ведь всё это зря, зря, зря.

- Нет, я не предал тебя! Я боялся за тебя. Но я запутался. – И сник.

Теперь уже её черёд. Она подхватила ниточку, вовремя подхватила. Она ведёт её дальше.

- Да, милый! Да! Я знала это. Ты запутался. Ты так запутался. – И ни слова о себе.

- Ты простила меня?

- Я ещё больше тебя люблю! Я просто умираю от любви! – Надо же такую дурочку сыграть! Но она сыграет и не то, - если будет надо. Да и что играть – она действительно любит его. Не меньше, чем прежде. Она просто умирает от любви. Она просто отдирает себя от него и не может отодрать. Но она отдерёт. Теперь уж точно отдерёт. Или он убьёт её. В другой раз он точно её убьёт. Значит, другого раза для неё не будет. Значит, и его в её жизни не будет. Зато будет она. Зато будет жизнь. Зато будет свобода.

Да, в тот раз всё закончилось примирением. Но насколько это примирение? На день? На два? На месяц?! Она уже не доверяла ему, она уже боялась его. А если боишься, лучше уйти. И опять сразу нельзя. Пусть поостынет, пусть успокоится, пусть ослабит наблюдение - ведь он, пусть и невольно, наблюдает за ней (как и она за ним). Значит, надо подождать. Дать понять, что простила, что не держишь зла. А там... Там можно и уходить.

Она опять шла на риск. Она опять рисковала собой. Но пусть риск – только б отодвинуть смерть, только б как-то её обмануть. Лучше лишний раз потрястись, - ведь страшно, а теперь, когда всё знает, ещё страшнее, - чем нож в спину. Ещё два раза сходила за страшным грузом. Спокойная, невозмутимая, обиженная. Ей надо казаться обиженной, ведь, возможно, Валентин поведал кое-что друзьям. Хотя нет, не будет он каяться в своих грехах, а уж в трусости - тем более. И всё равно лучше подстраховаться - чем чёрт не шутит?

А потом исчезла. Растворилась. Ей казалось, растворилась.

Шаг, ещё шаг, ещё. А сердце стучит как чумное, а сердцу страшно, а сердце лопнет вот-вот. Но это единственный шанс. Может, сам Господь подарил ему этот шанс, больше его не будет. Так что не стучи, сердечко. Не пугай меня! Я должен это сделать! И я сделаю это! Пока я хочу, пока я чего-то ещё хочу...

Шаг, ещё шаг, ещё... Это уже не его шаги. Он стоит, выжидает: хватятся, нет? Шаг, ещё шаг, ещё. Чуть дальше шаги, ещё дальше, ещё. Сердце уже не стучит, ломит непомерной мукой, пугается, грозитесь замолчать - если хватятся его, если только хватятся его. Не стони, сердечко! Лучше помоги! Это и твой миг, это

наш общий миг, какой Господь отпускает не часто. И уже приказывает себе: или сейчас, или никогда! И уже не слушает сердца - рывок в сторону, ещё рывок, ещё, побежал, ещё сильнее побежал. Теперь только вперёд! Назад хода нет! Даже если хватились его - только вперёд! Выносите, ноги! Выносите, резвые мои! Давно вы так не бегали, давно не мучил вас - давайте же, давайте, родимые! Быстрее! Быстрее! Ещё быстрее! А сейчас в сторону, а сейчас назад - они будут искать меня впереди, а я сбоку, сзади. Мне б только оторваться! Мне б только продержаться час! Они долго искать не будут, им груз надо до света донести. Им груз надо поскорее сдать.

Притаился. Нет, тихо. Тихо. Ещё чуть переждал и ринулся, что есть мочи, вперёд. Он оторвался от них. Тут они не будут его искать. У них нет сил, чтоб его искать. У них нет цели такой.

Он знал, где милиция. Боялся её, потому знал. Он бежит туда. Нет, теперь уже идёт. По городу лучше не бежать. По городу лучше идти шагом.

«Нет, дурочка, я не могу просто так оставить тебя! Не могу и всё тут. Хотя – пытался».

Да, он пытался. Он даже желал. Но только не того, чтоб она навсегда исчезла из его жизни, а просто ненадолго схоронилась. Эта женщина ему была нужна. Это Валентин понял, когда её уже не было рядом. Это он понял по мукам души, по навязчивым снам. По тоске, пеленавшей его члены. Он хотел эту женщину, она ему была нужна. Нужна – хотя были у него и иные женщины, и до, и после неё, но они были и ушли, приходили и уходили, - она же с ним всегда.

Азартная, нежная, хитрая. Даже за то, что обма-

нула его, вывернулась из-под него, любил её. Страшно любила, а вывернулась, нашла в себе силы! Страшно хотела быть с ним, а ведь схитрила, и опять-таки выдралась! Он сам сильный человек, он сам хитрый человек, он сам коварный человек, - но эта далеко пойдёт, ох, далеко пойдёт эта штучка! Только без него... Вот это-то и не давало покоя. Вот это-то и терзало душу. Как это без него? Как?! Нет, этого он допустить не мог. Хотя пытался, хотел. Хотел и не мог. Она ему была нужна, она ему с каждым днём всё больше была нужна. До чёртиков, до боли в сердце, до изнеможения.

И всё равно он дал ей свободу. Пусть погуляет, пусть отдохнёт. Всё пусть. Она только мешала ему. Да, она тогда мешала ему. Она тогда была только в тягость. Он висел на волоске. Он был на грани срыва. Нервы на пределе, жилы на пределе, жизнь, и та на пределе.

Он бы сам ушёл в завязку, он бы сам схоронился где-то, денег достаточно - чтоб жить, не прозябать, чтоб чувствовать себя королём, чтоб уважать и холить себя. Махнуть бы куда в Турцию, иль ещё дальше, да жить- поживать, худа не знать.

Не позволили. И не позволят. Даже не заикайся. Из этой канители – путь только на кладбище. И то в лучшем случае. А в худшем, в том, что применим к ним, - это заброшенная шахта, болото, тайга. Сколько их сгнуло в непроходимых лесах, сколько закопано, сколько брошено: полуживыми, недобитыми, недотерзанными, - умирать.

Он нашёл выход. Вернее, ему нашли выход. Ведь он не один, сколько их в связке, сколько ходит под дамкловым мечом. Его просто перебросили в другой город, сменили подельников, дали нового курьера, и опять завертелась карусель, опять потекли денежки в карманы баронам, ну, и им конечно, тоже. Не-

малые денежки. Денежки, которые многим людям даже не снились. Денежки, за которые приходилось закладывать себя, закладывать друзей. Ведь то, что они переправляли, надо было ещё реализовать. Вот и намечались новые жертвы, вот и шла травля: приведёшь троих, тебе обойдётся бесплатно! Или: отнесёшь эту сумочку туда-то, будешь в доле! И пропадали человек, ещё один человек исчезал из жизни, ибо то, как они живут, жизнью уже не назовёшь. Это, скорее, карусель, адская карусель, что крутится безостановочно, завлекая в свои лопасти новые и новые жертвы, упиваясь ими. Так и он когда-то попал в эту карусель. Подманили, подловили на плохом настроении, да, признаться, и самого тянуло к деньгам, самому хотелось сладко пожить. Ну и согласился - как эта дурочка Дашка. Хотя нет, Дашка ничего не знала, Дашка просто выполняла его просьбу. Он же сразу всё знал, и всё равно шёл, хоть и страшно боялся, но опять же шёл.

Да и как не идти, когда после первого броска (это он так окрестил доставку) - такие деньги! Как не идти, когда сразу почувствовал себя выше, значимей. Риск? Он есть в любом деле. Тут же риск оправданный, весомый риск. За рискованные дела - и деньги рискованные!

Вот и сейчас, хотел бы он повернуть назад? Ну, то есть, вернуться в то прошлое, в тот злополучный день, с которого начался отсчёт новой жизни? Вернуться и всё изменить? То есть остаться там - тем, кем он был до этого? Сладко дёрнулось сердце. Вот бы, а! И тут же зябко вздохнуло. Нет ему возврата в прошлое. И не будет. Тем, кто познал сладкой жизни, возврата в прошлое нет. Тем, кто хоть раз упивался деньгами, упивался волей, упивался властью: пусть призрачной, пусть ничтожной, пусть низкорослой, возврата в прошлое нет.

Усмехнулся. Уж так они стремились вперёд, уж так они лезли наверх – в тех же мыслях, в тех же мечтах, в тех же сладких снах. Не подозревая (а кто-то и подозревая), что этого верха для них никогда не будет. Ибо всё давно распределено: эти наверху, эти чуть ниже, ну а эти в самом низу. Их и прикармливали хорошо, оттого что они внизу. Им и давали чуть больше воли – ибо они внизу. Их иногда даже подпускали к своему столу – оттого что они внизу. Чтоб не взбрыкнули, чтоб не заартачились, что чувствовали себя хоть чуть выше.

Но снизу им не подняться. Никогда. Как бы им не хотелось, какие б песни не пели им те, что выше. Оттого и пели – что выше. Опять же для своего блага. А они держали этих высших на своих плечах. Они несли их по жизни. Они набивали им мошну. Сами же довольствовались крохами с барского стола. Пусть эти крохи и были баксами.

А где был, вернее, где место на этой заманчивой лестнице у Валентина? А где-то посередке. Слышите, посередке! Это уже что-то, это уже не внизу! И опять же всё продумано. Вообще жизнь всех расставляет по местам: кто чего заслужил. Только лестницы разные (опять же кто как на них смотрит, кто как чувствует на них себя, кем чувствует на них себя), а распределение на них одно: низшие, серединные, высшие. Он был серединным. То есть, от низших уже отошёл, а к высшим (Боже, к высшим!) ещё не пришёл. И опять же всё решили высшие. Валентин незаурядный человек, его нельзя было оставлять внизу, к тому же, кто-то должен быть и в середине: чтоб проводить связь между высшими и низшими, чтоб быть посредником: и тем, и этим.

Вот это-то и держало его на плаву. Вот это-то не давало отойти. Он что-то значил! Он что-то мог! С ним,

советовались, ему доверяли. Он посредник - это тоже немаловажный факт. Его право искать, вовлекать, его право (он думал, что его!) распоряжаться судьбами людей. Но если б кто расшифровал его права, он бы ахнул. Единственным правом было для него - жить. И то, если те, высшие, захотят, если те, высшие, сочтут, что он ещё может жить - опять же для того, чтоб что-то полезное сделать для них.

Он был роботом. Сердца не осталось, душа давно улетела, совесть потухла. Нет, осталась ещё страсть, - но это уже чисто его, это не мешает работе, это, наоборот, помогает поддерживать связь и налаживать новые контакты.

Вот и Дарья попалась на страсти. Много их попало на этом! Но многие не в счёт, а вот Дарья... Дарья до сих пор в печёнках сидит, как червь точит и точит.

А она уже с другим. Нет, он допускал, что она не останется одна. Он допускал, что, время от времени, у неё будут мужчины. Но чтобы она влюбилась? Нет, этого Валентин допустить не мог! А она, похоже, влюбилась. Да крепко. Чуть не о свадьбе речь ведёт. А он в сторонке, а он... да что он,- его вообще в её жизни нет!

А мужчина красив! Да, уже немолодой,- но чертовски красив! Зверски красив! Притягателен! И она с ним. Она в его власти. Она хочет за него замуж. Это уже было сверх наглости. Это уже был вызов. Ему, Валентину, эта дуручка послала вызов. А если не вызов, тогда ещё хуже. Тогда он для неё просто никто.

А он не хотел быть никем. Он хотел быть всем! И он был для неё всем! Она упивалась им, она дрожала под ним, она так любила его! И это должно вернуться! Любыми путями вернуться! Он не хотел её отпускать, он не мог подарить эту женщину другому мужчине. Не мог и не хотел!

«Пусть лучше смерть!» – Да, такой приговор он вынес Дарье.

Он выследил её. Он вышел к ней. Она остолбенела. Она покрылась пятнами. Она попятилась назад. Но это был он. Он стоял как танк, он чего-то от неё хотел.

- Ты не рада мне?

- Рада. Но... как ты меня нашёл?

- А я и не терял тебя! Я всегда был с тобой!

- Всегда?! – А она-то думала, что ушла от пого-ни. А она-то думала, что всё в прошлом. Вздохнула. Так вот отчего сердце ныло. Вот отчего эта тоска. - Как живёшь? – Только чтоб не молчать, только чтоб он не заговорил о чём-то главном. Ведь зачем-то она ему нужна. Зачем-то он пас её. Зачем-то он вышел на неё. – Всё там же?

- Слишком много вопросов сразу. Пойдём, где-нибудь посидим!

- Пойдём! – И опять вздохнула.

Зашли в кафе. Заказали кофе. Он сверлил её глазами, он просто пожирал её. Он так соскучился по этой женщине, он так соскучился по ней всей! А она отворачивала взгляд, а она мучилась - её ждал Кирилл, а она тут, с этим. Нет, он не был ей противен. Дрожь пробежала по телу (незаметная дрожь), сердечко радовалось и ликовало- ведь это Валя! Её Валя! Но вот он пинает её, в глазах смерть - и опало сердечко, забрало сладость. Нет, этот мужчина не её! Этот мужчина никогда не был её...

И всё же хотелось спросить, хотелось узнать: как он, что он, кто он теперь?

Но и навязываться нельзя. Просит: молчи! - надо молчать. А душа несётся к нему, а душа взбудоражена.

А ведь казалось: всё! А ведь казалось: его больше нет. Но он есть, есть, вот он, рядышком сидит, глаз не сводит с нею, влюблённых (это она видит) глаз.

Вздыхнула. Она б не убежала от него. Она б не оставила его – если б он позволил ей это. Но он не позволил. Он напугался. Он не верил ей. В его глазах она прочла смерть. Он хотел убить её. Это и оттолкнуло её. Смерти она не хотела. Всё, что угодно, только не смерть!

А сейчас? Что в его глазах сейчас? Кроме любования? Кроме любви, которую он сможет скрыть, даже перешагнуть – если на то будет воля небес – или его воля? Почувствовал её взгляд – спрятал глаза. Испугалась - если так, то ей худо, если прячет взгляд – добром тут не пахнет.

Да, и он стал умнее. Ладно хоть сразу не убил – или выжидал время, или хотел помучить (и то и другое у него в крови). Но неужели убьёт?! Убьёт. За этим шёл, за этим выслеживал её, за этим он здесь.

Кирилл. Отчего она не сказала ему? Отчего пряталась, таилась? Надеялась на себя? Нет, надеялась, что рассосётся, всё как-то само собой рассосётся. Хотя (если честно) жила в сердце тревога. Ведь жила же, жила.

- А ты всё так же хороша! – Он любовался ею. Он завлекал. Он знал, что она боится его, и ещё страстнее взгляд, ещё чарующей улыбка.

Удав! Да он же удав! – Согласен, удав. А кто ты? Ланью тебя не назовёшь. Пантера? Похоже, так.- Ещё больше залюбовался, ещё сильнее страсть. Пантера - это серьёзный противник. А уж грация, стать, а эти горящие глаза, - всё труднее совладать с собой, всё труд-

нее сдерживать взгляд. Да, они стоят друг друга – оба напористы, сильны, воля у обоих сильна. Кто кого? Даже интересно? Неужели она? – Неужели на этот раз он?!

Налил ей вина - уже второй бокал, себе налил – надо снять напряжение, обоим. А потом, а после, – а потом он её убьёт. Нет, не здесь – или в машине, или... Это было бы самое прекрасное «или»,- только надежды вот нет. Теперь она очень умна, ещё более хитра,- а как бы хотелось развлечься с ней, пусть даже в последний раз. А потом хладнокровно убить. Это в его духе – но пойдёт ли на это она? Нет! Значит, придётся сразу убить - едва они выйдут из кафе (ночь скроет следы). Да, именно сразу. Не надо ей позволять много думать, и много нервничать ей тоже нельзя. Она прочла в его глазах приговор, она может выкинуть всё.

Выпила вина. Пусть, это даже хорошо. Нервы, что стрела. Последние минуты (или секунды) жизни. Ведь она-то о нём ничего не знает - как там? что? Может, его жизнь висит на волоске, и он решил сначала убрать её, а там и себя. Похоже, так и есть. И он волнуется, торопится, уже почти не владеет собой. И бокал выпил сразу, весь.

Она опять прочитала в его глазах смерть. Это чувство было сильнее – с ним он искал её, с ним не расставался никогда. А его слова – лишь покрывало. Просто страшно ему, убить её страшно, но не убить – ещё страшнее. Она видела это в его глазах, она чувствовала это сердцем. И она играла, она опять играла. Ей больше ничего не оставалось, как играть. Ведь и он играет, все его слова – сплошная фальшь, но он же говорит их, и она будет говорить. Слова ничего не стоят – если за ними ничего не стоит. Если он так просто может завуалировать смерть, она так же просто должна завуалиро-

вать жизнь. Баш на баш. Кто выиграет? кто окажется сильнее в этом поединке? Что окажется сильнее? Жизнь или смерть? Неужели смерть?!

Но она просто так не сдастся. Она будет играть. Она уже играет – это у неё тоже в крови. Вспомни, вспомни меня! – говорил её взгляд, говорил каждый изгиб её тела – тела, не раз побывавшего в его руках. Таких сладких руках!

Нет, теперь она не хочет его – а хочет, хочет! – просто не должна!

Он торопился, - но она так страстна, так приятно пахнет - всё та же, его Незабудка. Нет, только не это! Нельзя ему расслабляться. Иначе... иначе он не сможет выполнить то, зачем шёл.

Но как же она хороша! Опять налил вина.

- За что выпьем на этот раз? – Это она – чтоб только не молчать, чтоб сбить его с толку, а то он слишком напряжён.

- Что?! – Он опять здесь, хотя и не уходил, просто мысли его были здесь и уже не здесь, с ней и уже не с ней. – Выпьем за нашу встречу. За ту встречу.- За эту он пить не хотел – что ж, понятно, только ещё страшней, уже почти не владеет собой, а надо владеть, надо, надо!

- Прекрасный тост! То была чудесная встреча!- Вздохнула, чокнулась. – За нашу встречу!

Она выпила первой. Ей надо расслабиться, снять напряжение. И теперь ей хорошо. Ей нравится играть, она идёт дальше. Она почти ненавидит его и боится. И из этой ненависти рождается иное чувство: свободы и чистоты. Она хочет быть чистой! Она будет чистой!

И он в смятении, и у него бурлит сердце, и у него жалость и любовь борется с желанием убить, убрать её с дороги. Ибо она много знает, ибо она опасна.

А она готовилась его убить - ибо, если она не убьёт его, он убьёт её. Третьего не дано. Это он сейчас соскучившийся мужчина, потом он будет рьяным любовником, он просто задушит её в своих объятиях, измучит своею страстью. А потом - потом в нём проснётся зверь – такой же страстный, такой же ярый – а зверь жаждет крови, а зверь беспощаден к своей жертве и к её мольбам – и этот зверь убьёт, раздавит её. Растерзает, как самую последнюю тварь: за то, что предала, за то, что выскользнула из рук, за то, что была с другим. За то, что должна умереть – чтобы жил он, чтобы царствовал он, за то, чтоб не боялся. А он боится её, иначе б не следил, иначе б давно оставил в покое.

Боже, как он любил эту женщину! Уже за то, что обошла его, что так умна, а если вспомнить их ночи - нет, лучше не вспоминать... Но как пахнет она - шёл бы и шёл на этот зов, и сходил с ума. Нет, нельзя ему расслабляться! Он должен её убить! И лучше б он это сделал из-за угла, ей Богу бы лучше – бах, и пала. А тут – как пахнут её волосы, как дрожит- бьётся жилочка на лбу, и эти бисеринки пота, эти вздохи – она чувствует свою смерть, она пытается отвлечься, и это ей почти удаётся. И сколько ж ещё будет мучить его эта женщина – даже тогда, после того, как её не станет. Нет, лучше б из-за угла, лучше б из-за угла.

Поединок. Кто хитрее, кто мудрее, у кого воля сильнее. Длится этот поединок секунды – глаза в глаза - на миг, единый миг - тут же отходят, боясь откровения, пугаясь – что прочтут в них смерть, - и те, и те глаза отходят.

Он любит меня. Он так хочет меня. И всё равно убьёт. Это она прочла в его взгляде, в дрожании век, в дрожании рук.

Он пожирал её глазами – ибо истосковался, ибо брошен, ибо она нашла ему замену. Ему замену – значит, она сильнее? Ему замену – значит, может без него? И он мог и не мог – в каждой женщине искал её и не находил, от каждой женщины ждал такой же страсти, такого же желания: жгучего, неистового, яркого – и не находил; каждую женщину хотел назвать Незабудкой – и не мог. Она одна, Незабудка, для него, на всём свете одна. Женщина, что покорила его, именно покорила – ведь не мог он убить её, хотя было надо. Женщина, без которой свет остыл – темнота, блеклость без неё, опустошение. Женщина, без которой он не может дышать – а если не дышать, как же жить? Невозможно!

Ничего не видел мужчина, ничего не замечал.

Нет, проблесками пронеслось в мозгу: она не твоя, она не твоя! Но проблеск есть проблеск – блеснул и ушёл. Зато другая мысль утверждалась, ширилась, росла: она будет моей! Она уже моя! Она всегда моею была!

Поединок слов, поединок мыслей, поединок взглядов.

Тяжело будет его убить. Лучше б это сделать чужими руками – ведь любит она его, как убить того, кого любишь? Но нет для такого дела чужих рук, нет, и не думай даже об этом. Но как же она любит его (по-прежнему любит), но убьёт – ибо ей грозят смертью, ибо даже представить страшно, что он сделает с нею,

если останется жить. Теперь она знает, на что способен этот мужчина, она видела оскал его зубов, она уже испытала на своём теле удары его ног. А сейчас он ещё более зол, сейчас он просто разъярён. Он растерзает её, он упьётся её кровью, он разметает её тело по земле. Он сделает это. Он уже готов сделать это. За этим шёл за ней, этого и ждёт.

Но как же тяжело будет убить его! Как же тяжело...

Неужели всё? Неужели я смогу? Выстрелить в это сердце, а потом смотреть, как она закрывает в последний раз глаза? Смотреть на её муку, на её агонию? Нет, не могу!... Но я должен, должен...

Боже, как он хорош! Обворожительно хорош! Яркие полные губы, капельки пота на лбу – зачем он выследил её, зачем он вторгся в её жизнь, жил бы и жил себе в своём гнездышке, а теперь придётся его убить, или пасть от его руки, что одно и то же - ибо и то, и то страшно.

Но что же придумать? ЧТО?! Пока он не встал, не предложил ей прогуляться? Поздно!

- Прекрасная ночь!- Поднялся, улыбнулся. - Зачем тратить столь бесценное время на это кафе, когда можно просто прогуляться по городу. Или?...- О этот чарующий взгляд! Он не смог скрыть его, как не смог скрыть своего желания - желания плоти.

- Да, да! Согласна! – И её улыбка ему под стать. И ей нелегко с этим мужчиной, и она едва сдерживает себя. Поднялась – гордая, сказочно красивая, повела

плечами, уколола взглядом. Стрела достигла цели, стрела ужалила, пробила насквозь – он зашатался, свет померк в глазах, – но тут же глаза одело холодом – нельзя с ним играть, так с ним нельзя. Тут же накинул ей на плечи лёгкое пальто. Они готовы – можно идти.

Не правда, что за какие-то секунды можно заново прожить жизнь. Как не правда, что те же самые секунды порой отделяют прошлое от настоящего – или, наоборот, – настоящее от прошлого. Она идёт к выходу, стремительно проживая, протаскивая сквозь себя свою жизнь, вернее, отрезки жизни. Но как же она попалась? Как глупо она попалась! Её влюблённость – она во всех так быстро влюблялась, и этот был не исключением – сыграла с ней злую шутку. Он подловил её на этом. Он сразу понял. Что она пойдёт за ним, что она уже его. Он это сразу увидел.

Вот опять они в театре. Он смотрит оперу и, одновременно, наблюдает за ней. И не только наблюдает – пытается её. Кто она? Какая? Податлива, нет? Горда, нет? Какой же он увидел её? Какой почувствовал? Влюблённой. Да, она была влюблена – с первого взгляда, с первого шага. С его первого взгляда. Он только вскинул глаза, волшебные, влажные, искорки бились в них, бились и плясали, он только окинул её взглядом, она уже была его. Осталось только проверить это, и он проверил. Осталось только подчинить её, и он подчинил. Остальное было просто: он приказывал – она исполняла. Не вникая в подробности, не подумав, что это и чем ей грозит. Она верила ему, она доверилась ему, она была в его власти. А ей казалось, что он в её власти. А эти поручения не что иное, как услуга или плата за его привязанность.

Здорово он её разыграл! Умно! Считаю, с первого шага, с первого дня (ну, пусть и не с первого) вовлёл в такое опасное дело. Так просто вовлёл, без уговоров, без уверений, без слёз. Будто в магазин за хлебушком попросил сходить - она тут же поднялась, тут же оделась, тут же пошла.

И потом – куда делась его влюблённость, - сам рок пред нею, злой, несокрушимый рок, он готов смять её, растерзать, уничтожить.

И сейчас он готов.

- Незабудка моя! – Прижимает к себе. - Незабудка! – Не надо отдаваться, не надо прижиматься, - а как, если ноги сами идут, если сердце летит к нему, если истомлённая по нему плоть затмила рассудок.

И она делает шаг, второй, третий – навстречу своей любви, навстречу смерти. Она парализована, сломлена, она опять в его власти. О, Боже, помоги! Спаси меня, Боже! А ноги ватные, слабеют, подкашиваются ноги, - а всё же идут, идут, идут. Пот на лбу, враз слиплись волосы – такой обильный пот, такая слабость. И всё равно идёт. И всё равно идёт. Как на заклинание. Как на бойню. И только шепчется где-то там, внутри: зачем ты так со мной? зачем? Видимо, и душа испугалась, и душа прячется. Вон, забилась в какую-то трещинку, и бьётся, плачется, стонет, исходит слезою. Её измученная, израненная болью душа молит, стонет, умоляет: не ходи с ним! Не ходи! А ей самой страшно, а ей бы тоже забиться в трещинку. Господи, помоги! Спаси меня, Господи! А душа ещё тише: зачем ты идёшь? куда?

Звериный оскал – лишь на мгновение, как проблеск ярости в его глазах – и как же рада она ему, как

же он кстати. А то ведь ослабла, а то уж готова на всё. А теперь – нет. И душа взметнулась, ожила, и лихой колокольчик- бубенчик тренькает в груди, подсказывая: не дремли! не дремли!

Одна ступенька, вторая, третья. Валентин оглядывается по сторонам - никто бы не заметил, она заметила, незаметно вздыхает. Люди, сюда идут люди. Смеются, невольно оглядывают их.

Он идёт к машине, открывает дверцу, люди заходят в кафе, они одни. Он наклоняется (ему что-то надо в машине). Она делает шаг и со всего размаха хлопает дверью. Крик, стон – она бежит от машины. Нет, не в кафе, там страшно. Она бежит по улице – здесь народ, чужой народ, такой же, как она. Улица мирит всех, улица сможет её защитить.

Он не бежит за нею. И не едет. Неужто?... Нет! Нет! Спряталась за стенку дома, а сама выглядывает. Нет, не идёт. Но и назад идти страшно. Вдруг он ждёт её? Скорее, не вдруг, а именно ждёт, как подбитый шквал. Чтоб влепить в неё сразу всю обойму.

Сообразила. Небольшой квартал, всего четыре дома – быстро обежать его, и выйти с другой стороны. Откуда он её не ждёт. Понеслась, что есть мочи. Нельзя терять время. Надо же узнать, что с ним. От этого зависит её жизнь. Две минуты, а то и меньше (она любила бегать!), и она у цели. Опять выглядывает из-за угла – машина на месте, света в машине нет, дверца полуоткрыта.

Теперь самое страшное. Будто кто-то вытолкнул её из-за угла, а дальше она уже шла сама, мучительно отсчитывая шаги. Её пока спасала темнота. Тень от фонаря шла как-то сбоку, прикрывая её, и, в то же время, не касаясь машины. К тому же, он ждал её с другой стороны. Если ждал...

Но и уйти не могла. Неведомая рука опять тащила её вперёд – скорее, это был азарт, а ещё лучше – желание узнать, что с хозяином машины? Ибо сердце уже пугало её. Ибо в сердце сидел страх. Он так кричал. И этот стон.

Пригнулась, пролетела луч света, и встала уже возле машины. Ноги торчат из полуоткрытой двери. Тишина. Надо же, никто ничего не знает. А сколько прошло времени? Да минуты три. Люди сидят в кафе, остальные где-то гуляют или спят в своих тёплых постельках. Какое людям дело до чьих-то ног?

С силой открыла дверцу – будто кто-то держал её, а тут что-то упало, и дверца открылась. Валентина уже с ней не было. Был труп. Это она сразу почувствовала. А тут и увидела. Он сам убил себя, хотя - с её подачи. Он готовил смерть ей, а напоролся на неё сам. Она вовремя закрыла дверцу - от только успел взять пистолет, он только взвёл курок и чуть приподнял руку (чтоб вылезти из машины, чтоб сразу выстрелить в неё). Дверца хлопнула, рука дрогнула, пистолет попал в рот, щелчок (пистолет был с глушителем) - и нет Валентина.

Нет, она не тронула труп. Пусть его трогают другие. Никто не найдёт на нём её пальчиков. Пусть гадают (если захотят), отчего он убил себя. А он убил

себя сам. Её возлюбленного больше нет. Её убийца ушёл из мира – уже не тут решается его судьба, не ей решается, не им.

Но Кирилл не знает этого. Он боится за неё. А она боится открыться, боится назвать себя убийцей. Но сегодня она скажет и об этом. У них без того есть о чём переживать. Пусть хоть это отойдёт в сторону.

Как-то легче стало. К чему было тащить этот воз? Когда можно было давно скинуть его. Но, видать, всему своё время.

Он уже возле милиции. Назад ходу нет. Как он подошёл сюда? Как он нашёл силы? Боже, как страшно! Взвился. Боже! А не Аллах? И то хорошо - веру свою вспомнил, Бога своего вспомнил, а это уже поддержка, а это уже много. Нет, назад хода нет, только вперёд, только вперёд. И всё равно страшно – как встретят его тут? поймут ли?

Он уже протягивал руку – чтобы открыть дверь. Дверь резко распахнулась, вывалился парень, чуть не налетел на него.

- Ты чего? – Пригляделся, сообразил. - Оттуда?

- Там человек в пропасти... Или люди... Он так кричал, я не мог не прийти...

- Тихо! Об этом молчи! Слышишь? Говори, ушёл от контрабандистов, а об этом молчи. Иначе и им, и нам крышка. Понял?

- Понял. Он так кричал...

- Я тебя не видел! Ты меня тоже! Но я тебе помогу! Усёк?

- Усёк. Теперь мне легче.

- Сразу всё не говори, тяни резину. Мне надо кое-что обмозговать.

- Понял.

- Смелее заходи! Даже забегай! Ведь ты удрал от контрабандистов! Плачь, кайся, но о человеке в пропасти молчи! – И исчез в ночи.

Как же она возбуждена. Даже во сне борется с кем-то, отстаивает себя. Да, не гладила жизнь эту женщину, хотя... Её так любили, её и сейчас любят.

Валентин сам вышел на него. Значит, знал. Уже знал. Значит, следил за ними. Значит, ревновал – иначе б не подошёл, не заговорил.

- Ты Кирилл? – Откуда он взялся, неведомо. И сразу вопрос в лоб.

- Кирилл. А ты?

- Я Валентин. Разве тебе Даша не рассказывала обо мне?

- Нет, Даша не рассказывала о тебе.

- Она любит меня.

- Вернее, любила...

- Она б и сейчас была со мной...

- Что же помешало? – А самому уже страшно, со- сёт под ложечкой.

- Она просто испугалась.

- Не много ли ты на себя берёшь?

- Очень мало. Иначе... - Сверкнул глазами.

Стало страшно за Дашу.

- Не пугай! Видали таких!

- А я не пугаю. Я сам себя боюсь. Так что береги её, хорошенько береги!

- А то?

- А вот про то лучше не надо. – Вздыхнул - его вздох прямо в сердце, похолодело сердце.- Если захочет, она расскажет сама.- Скрипнул зубами, уколоч взглядом и ушёл.

Скоро вторая ночь, как они в этом склепе. Она уже теряет силы – и не мудрено, если его силы на исходе, что уж говорить о ней, женщине, притом, носящей под сердцем ребёнка. Ладно, хоть вода есть. Иначе...

Нет, лучше поспать – не думать ни о чём, не желать – он не в силах помочь ей, значит, лучше затаиться, чтоб лишний раз не напоминать о себе – пусть поспит женщина, ей нужны силы. Он ещё на что-то надеялся, чего-то ждал – все мы на что-то надеемся, все мы чего-то ждём. Даже тогда, когда, казалось бы, уже нечего и неоткуда ждать.

Но он не может уснуть – просто лежит, просто бредит. Наслоение образов, наслоение мыслей. Дарья, Валентин – до сих пор холодит сердце от слов его. Ну а это вообще ни к чему. Марина. Но уже прорвалась, уже заявляет о себе, требовательно, даже властно, и с такой издёвкой что-то доказывает или говорит. Что это она? О чём? И эта издёвка? Нет, не по силам ему шарады, ему б свою задачку разгадать – как выбраться из этого склепа? Что сделать такого, чтоб выбраться?

А Марина не отступает, насаждает, влечёт. Но какая-то она не такая, улыбка на лице, загадка в глазах. Да отстань же! Что привязалась? Не отстаёт, не уходит.

Дрянная баба. Он даже не знал, какая она дрянная. До суда дошла – не смирилась с разводом. Не смирилась она и с судом. Истерика, слёзы – он мой! я не хочу развода! Он не будет жить с этой, она слишком молода для него! И дальше – не давайте ему развода, я не хочу, я не хочу!

Нет, развод им дали – ничего общего, даже детей нет. Чем удержать мужчину? – нечем. Ей предложили подать на раздел имущества – отказалась. Ей нужен был только он. А квартира – у неё есть квартира, и всё в квартире есть, кроме одного – мужчины, мужа, что она теряет.

Она не понимала, что делает хуже, что своими воплями настраивает его против себя. Его это унижало. Но жалости к ней не было. Лучше б она смирилась сразу – не потеряла б последнюю гордость, не растеряла б последние крохи счастья. Счастья жизни – разве этого мало? Счастья свободы – это тоже можно использовать и жить. Счастливо жить. Как живут миллионы одиноких, но нужных обществу женщин.

Просто некуда тебе себя деть. Но тут уж он не помощник. Ибо не интересуется тебя ничто и никто, ибо ты пустая. Как железная бочка. С какой стороны не стукни – звенит. Так и в тебе звенит пустота. Пустота. Ибо ты опять ничего не поняла. Ибо ты не умеешь жить, радоваться жизни не умеешь. Не научилась – за столько-то лет. Не можешь ты – ни обогреть, ни пожалеть. Всю жизнь для себя. Всю жизнь видишь только свою боль.

А кругом столько чужой боли. А могла бы хоть часть быть твоей. Одна боль - это всегда минус. А две - это два минуса. А сложи-ка эти два минуса – получится плюс. Да не туда ты глядишь, в себя ты глядишь. Надо же и вокруг поглядеть. Может, когда-то и поглядишь. Может, когда-то и заживёшь.

Нет, не держат наши суды. Да и не удержишь. Если уже потеряла. Если уже развязаны узлы.

Ушла Марина, как-то так тихо отошла – как приведение, как мираж. А она и была миражом, ещё была – пройдёт время, и это исчезнет, рассеется туман, и она растворится в дымке, и уже навсегда.

И опять в сердце комок. Отчего она так глядела? Издёвка эта к чему?

Даша в забытьи кричит, стонет: «Валя, прости! Я не хотела... Так получилось...»

Тишина, только вздохи её, натужные, больные. И вот опять:

« Я убила его... Я убила свою любовь. Его нет, нет, нет...»

Что она говорит? Что она говорит?! Неужели...? Нет! Нет! Но она так мучается, и эти вздохи, эта недосказанность... Неужели...? Нет! Нет! Она не могла...

Даша резко открыла глаза.

- Кирилл, я убила Валентина. У меня не было выбора. Или он, или я.

И опять ухнула в сон – и спала спокойно, только устало.

А у него волосы дыбом, а у него сердце запеклось. Убила? И ещё страшнее – Даша убийца? Нет!

А она и во сне подтверждает свои слова – закусена губа, бледность, съёжилась, схоронила себя.

Боже, что ты пережила?! Как ты смогла, а?

А вот и смогла.

Очнулась Даша. От дум его, от страха видно проснулась. Влажный ночной воздух, влагой несёт снизу – хоть выпиться этим воздухом, надышаться властью. Сколько им ещё томиться здесь? Неведомо. Но она долго не выдержит.

Но как он не спокоен. Что-то тревожит его, не даёт уснуть. Что-то? Ясно что - он мужчина, ему думать, как выбраться отсюда – а что он может придумать, что?

Нет, надо ему поведать о Валентине. Пока не поздно. Он должен это знать. И пусть знает. Пусть видит во мне ту, кого он должен видеть.

- Кирилл, я тебе не всё сказала. Самое главное умолчала.- Он напрягся, ему сделалось страшно, он готов был закрыть ей рот. И не смог - пусть говорит, ей это надо больше, чем ему.- Я убила Валентина. Его больше нет.

Вскочил. Дрожит. Кто же рядом с ним? Женщина или дьявол?

- Нет! Нет! Ты не могла убить! Ты просто наговариваешь на себя.

- Нет, Кирилл, это правда. Я убила Валентина, ибо он хотел убить меня. Так получилось.

- Ты стреляла в него?

- Нет, он хотел выстрелить в меня. Я просто помешала ему.

- Как?!

- С размаху надавила на дверку машины. Пистолет выстрелил. Валентина больше нет.

- Молчи! Больше ни слова! Молчи!

Так вот что мучило её. И эти крики. Она пересиливала себя. Она настраивала себя на откровение. Она готовилась сказать ему правду.

И она её сказала. А ты не готов к этой правде. Ты боишься её, ты отталкиваешь её от себя. Выходит, лучше б Валентин убил её? Так выходит?

Нет. Но он не знал такой Даши. Он вообще, похоже, её не знал.

Но как же ей страшно. Он отдалился от неё, он будто боится её. Съёжилась, вжалась в камень - нет её, нет. Если мужчина не понял её – её просто нет.

Мужчина за мужчину. А кто за неё? Кто за слабую женщину? За женщину, что сумела себя защитить?

Опомнился. Что это я? Склонился.

- Родная, прости! Я понял тебя. Я, наконец-то, понял тебя.

Наклонился, слёзы из глаз.

- Что же ты пережила, если смогла его убить?

Вот это уже вопрос. И утверждение.

- Я пережила целую жизнь. Страшную жизнь. А теперь отпустила её. Теперь хочу в другую жизнь. С тобой. – Дрогнул голос. – Еслипустишь?

- Уже пустил. А о том больше ни слова. Если ты сделала это - значит, иначе было нельзя.

- Да, родной. Иначе было нельзя.

Лёг рядом, прижал.

- Маленькая моя! Маленькая! Какая ж сильная ты у меня! Какая ж стойкая ты у меня!

- Мне до сих пор страшно. Но не жалею. Он сам спустил курок. Это воля Небес. Я только хлопнула дверью. Я только защищалась.

- Всё, всё, родная. Я понял тебя. Я ещё больше тебя люблю - такую сильную! Я просто тебя боготворю!

- Я расскажу тебе об этом. Только не сейчас. Сейчас у меня нет сил.

Боже мой, что сделать для неё?! как её спасти?!

- Мы спасёмся, я чувствую это. Нам надо беречь силы. Нам надо напиться влажным воздухом, чтоб пережить этот день. Последний день.

Он поверил ей. Ему нужна вера. Им обоим нужна вера.

Руслан резко открыл дверь, просто втолкнул себя в фойе. И нос к носу встретился с дежурным.

- Что у вас? – Дежурный – низкорослый сержант,

то ли русский, то ли узбек - оглядывает его и уже встаёт, уже хочет куда-то бежать, докладывать о нём.

- Я сбежал! Я сбежал от контрабандистов! Они здесь. В городе...

- Тихо! Молчи! – Дежурный выскочил из своей дежурки, схватил его за рукав.- Пошли! Быстро! – И потащил по коридору.

И вот они у двери. «Начальник милиции». Дежурный рывком открывает дверь.

- Товарищ майор, это к вам! – И зачем-то прикрывает оба глаза, как сигнал.

- Понятно. Можете идти.- Грузный майор - узбек смерил Руслана взглядом.- Проходите! Садитесь!

Стук. И тут же.

- Товарищ майор, вас срочно вызывают в комендатуру!- Тот же самый парень, с кем Руслан столкнулся в дверях.

- Побудь тут! – этому парню начальник.- Я сейчас! – Недовольно, даже зло. Быстро выходит.

А парень Руслану.

- Так, слушай, ещё раз повторяю: о том человеке ни слова. Иначе... иначе и ему, и нам крышка. Говори, что удрал от контрабандистов, плети, что надоело, но о человеке в пропасти молчи!

А Руслан сбит с толку, оглоушен. Что это? Что этот парень говорит? О чём предупреждает? Нет, что-то тут не так, что-то тут не то. Он так торопился сюда, он нёс такую весть, а тут останавливают, велят молчать.

Пытается защититься.

- Но как же я? Ведь у меня не будет защиты!- Я и шёл сюда в надежде, что это известие как-то оправдает меня.

- Не оправдает! – уже злится парень.- Не в те лапы ты попал. Они все повязаны, понял? Так что молчи!

Ни слова! Я помогу тебе бежать. Мы вытащим бедолагу из пропасти. Только молчи!

Руслан вздохнул – что ему оставалось делать?

- Молчу.

- Я тебе ничего не говорил. Понял? Понял?!

- Понял.

- Ничего не бойся. Я с тобой. Т-ш-ш! Идёт!

- Ну и отчего ты всё же решил уйти из банды? Майор тыкал, но Руслану было наплевать. Хотя тот явно вызывал его на противоборство. Вон как ядовито горят глаза. Похоже, он уже что-то знает. Зачем-то же вызывают его в комендатуру.

- Надоело. Домой хочу. Устал под дулом автомата жить.

- Но ведь вас, – уже «вас», - посадят.

- Пусть. Это легче. Я просто устал.

- Что вы несли на этот раз?

- Зачем вам это? Я же пришёл сдаваться, а не складывать подельников.

- Даже так?

- Даже так. Каждый в этой жизни отвечает за себя. Я сказал о них, вы уже знаете, что они в городе, если захотите, возьмёте их.

- Да уж, возьмём.

- Ну вот. А там и спрашивайте. Я же пришёл сдаваться. Больше о них знать не хочу.

- И всё же почему именно сейчас вы решили сдатьсь?

- Надоело! Они тогда спасли меня, я не мог быть неблагодарным. Но и всю жизнь ищачить на них не собираюсь. Я своё отработал.

- И что ты собираешься делать?

- Не знаю. Но больше не могу. – Глаза Руслана сделались печальными, скользкими. Вздохом вылетели слова.- Хоть в могилу – только не к ним.

Начальник улыбнулся, сузил глазки. Парень передёрнулся. И Руслан понял –прав парень, шакал его начальник. Но надо держаться. Надо косить под ду- рочка.

- Ты, надеюсь, понимаешь, что отпустить тебя сейчас мы не можем,- так же, улыбаясь, промычал май- ор.- Надо всё проверить и перепроверить.

- Понимаю. Долго думал – и так не могу, и сюда боюсь. Но если пришёл – значит, уже не боюсь. Делай- те со мной, что хотите.

- Даже так?

- Даже так.

- И как ты всё же попал к контрабандистам?

- Это длинная история.

- Мы любим длинные истории. Хорошо, расска- жешь потом.

Нажал кнопку. Зашёл конвоир.

- Отведите этого беглеца в изолятор.

- Есть!

Тот же милиционер. Пришёл доложить – чай го- тов. Начальник в упор:

- Что он тебе говорил? Когда вы остались одни? Ведь что-то же он говорил?

- Ничего. Устал человек. Измучила его жизнь.

- Но что-то ещё привело его сюда? Что-то он не договаривает?

- Не знаю. Если есть что-то, скажет.

- Скажет.- Опять усмехнулся, поцокал языком. Обязательно скажет. Коли жизнь дорога.- Ступай!

А у Константина под ложечкой свербит.

«Да, парню надо выбираться отсюда. Пока этот шакал – майор не вышел на контрабандистов. А он скоро выйдет на них.- И уже себе.- Да и мне тут ничего хорошего не светит. Решено – уходим вместе! Пан или пропал! Терять нам нечего! Здесь мы потеряем себя точно, а там – там ещё посмотрим!»

Двое в гроте. А двое ли? То одна, то другая тень просачивается сюда, тормозит, не даёт покоя. Но сейчас вроде тихо. Они одни. Лежат, тесно прижавшись друг к другу, согревая своим теплом, давая, сообщая энергию тому, кто рядом.

И вот. Кто же направил нас на эту скалу?

Боже! Марина! Вот он, её взгляд. Она издевалась над ним, она говорила – ну, что, чья взяла, а?

Он уже ненавидел эту женщину. Он негодовал. Ведь они могли разбиться. И ещё страшнее – она того и ждала – чтоб они разбились, чтоб их не было.

Убрать, стереть эти мысли - ведь они так страшны, нелепо страшны. И опять этот взгляд, издёвка, упор – она уже тогда, на суде, задумала это чёрное дело, она уже тогда готовила себя к мести.

Не отступает мысль, давит, давит и мнёт. Это она направила их сюда. Это она вела их дорогой смерти. Это она...Боже, как страшно! Женщина - и такое? Женщина – и страшная месть, убийство.

Куда катится мир, если уже женщины встали на дорогу мести? Если женщины стали так злы?

Рядом засопела во сне женщина. Женщина - убийца. Пусть невольно, пусть защищаясь, она убила человека. Даже страшнее – она убила любимого муж-

чину. И пусть она не защищается – он уже знает, что она готовила убийство, что она уже была готова убить Валентина.

Что это, злой рок? Или происки судьбы? Две женщины – убийцы рядом с ним. Чередой прошли слова Даши – вся её жизнь как на ладони – лёгкая или довольно лёгкая жизнь. Влюбчивая, страстная натура, к тому же доверчива. А вот иная Даша перед ним – вёрткая, мстительная, злая. А сейчас рядом с ним третья – Жалкая, испуганная, даже во сне дрожит. И всё это одна женщина, его Даша, мать его первого (и верно уже последнего) ребёнка, женщину, которую он боготворил.

Зря не позволил ей рассказать о сцене в кафе. Было бы легче. А сейчас – сейчас он многого не знает, приходится домысливать, а где-то и сочинять. А фантазии тут неуместны, тут нужна правда жизни, только она расставит всё по полочкам, только она или низвергнет эту женщину в пучину, или приподнимет, сделает ещё более весомой.

- Я утром тебе всё расскажу. Потерпи. Мне надо набраться сил – для этого рассказа и для нового дня. – Женщина всегда чувствует, когда думают о ней и что думают о ней. Настоящая женщина. И мужчине уже легче – если она переживает, если готова всё рассказать, значит, и ей плохо, значит, и её грызёт недосказанность.

Утро вечера мудренее. Прижался поплотнее, убаюкал свои мысли, её мысли убаюкал – и уснул. И женщина уснула. Ей надо выспаться, набраться сил. Завтра очень нелёгкий день.

Господи, какая трудная жизнь! Как трудно жить, Господи! А может, потому, что сам трудный – не теми дорогами идёшь, не те думы думаешь, не те мысли в

сердце держишь? Скорее, так. Где-то смалодушничал, где-то оступись, где-то пошёл против себя - опять же в наваждении, в мечте что-то изменить, стать выше, весомее, богаче. А тут понял, что в поиске этом совсем запутался, почти потерял себя. Словно попал в какую-то карусель. И как выбраться из этой карусели, неведомо. Как вытащить себя - опять неведомо.

Вот в такую адскую карусель попала Дарья. Легко, звонко попала, а выбраться никак не может. Сколько времени не может!

Острая сабля нависла над Русланом. Того и гляди голова с плеч. Донесли начальнику – и о его побеге, и о том, будто слышал он голос из пропасти.

Теперь начальник сопоставляет: не оттого ли сбежал? Не замыслил ли чего? И опять - отчего же молчит? Отчего не требует: выньте человека из пропасти! Нет, тут какая-то билеберда! То, что сбежал, ясно – мало ли сбегают, особенно русские. А вот насчёт человека из пропасти, видимо, лгут. Какая пропасть? И откуда там человек? Если глубина той пропасти больше километра. Как там услышишь крик? Откуда, если только не из преисподней? Обкурился видно главарь, вот и мерещится всякое.

И всё-таки надо допросить этого, как его, Ризвана, так, невзначай, навести на эту пропасть. Сейчас бы допросил, опять надо бежать - срочно вызывают в город с отчётом.

Приеду, допрошу. Пусть пока посидит, подумает.

Константин (тот самый милиционер) радуется – его назначили на вечернее (и ночное) дежурство в изолятор. Кто-то там заболел, не вышел на работу, а он

холостой, его можно совать и туда, и сюда. Нет, поартачился для приличия: устал, не имеете права, но, в конце концов, сдался.

В изоляторе сейчас трое: два мордобоя – один с женой разборку устроил, другой на улице прохожего чуть помолотил, ну а третий Руслан (он же Ризван). Этих двоих утром выпустят – заявлений на них нет, посядут ночку, заплатят для острастки штраф и пошли гулять. А вот Руслан тут, похоже, задержится. Или - ещё скорее - переведут в городскую комендатуру, там будут допрашивать, там будут дело шить на парня. И уж сошьют, это они умеют. Такого настрочат, мало не покажется.

Надо удирать сегодня! Сейчас! Начальник выехал к вечеру – значит, на ночь его уже не жди. Ни разу ещё не приезжал в ночь – там заночует, оторвётся всласть – или в ресторане, или у вдовушки какой, или у друзей. Не часто такая возможность выпадает, как не воспользоваться ей.

Может, конечно приехать,- из-за Руслана. Но нет, начальник ушлый человек, такую весть он попридержит до завтра – утречком, отдохнувший, и поведает о ней, а уж как там закрутится карусель, не его дело. Его дело доложить.

Значит, у них в запасе ночь. Ну, за ночь-то они далеко могут уйти. Только бы не заблудиться.

- Слышь, вставай! На допрос вызывают! – Это для острастки – чтобы те двое не заподозрили чего.- Живо! Живо!

Спят драчуны. Даже не повернулись. Прихватил одежонку одного из парней (ночью в горах холодно), бросил Руслану его бушлат, и к двери.

- Нам надо тикать! Сейчас же! Понял?

- Понял!

- Тогда пошли! Сюда! – И к запасной двери, быстро отомкнул замок, шашь, и они на воле.

Темнота, ни души. Окраина, да и спать ложатся тут рано: все дела сделаны, телевизоров нет (горы мешают, а ставить специально для десятка домов вышку нет резона). А им опять на руку. Только бы дежурный не заподозрил чего, да он тоже уже спит в своей конторке - кого караулить тут? кого ждать в этой глуши?

Юркнули за угол. Машина! На чём же уехал начальник? Ах, на своей! Понятно. Значит, он оставил машину для них. Переглянулись, сели в машину, и только ветер засвистел под колёсами. И сразу в лес – благо, он рядом, благо, дорога идёт через лес. Быстрее проскочить самый трудный участок, в смысле, самый большой участок. А там будет видно. Только бы не хватились! Только бы никто не хватился! Это уже мысли Константина. Руслану не до мыслей – из огня да в полымя, какие тут могут быть мысли? Он же пришёл сдаваться, да о тех, из пропасти, поведать, - а тут такое. Опять приходится удирать – бежать оттуда, где он надеялся найти защиту – чистый бред, но он бежит, удирает – похоже, так надо, а раз надо – кто ж спорит. Он вообще не может спорить - сейчас он ничего не может.

Марина не находила себе места. Ведь не так всё было задумано, не так. Должна была умереть лишь эта прохиндейка, ну, девка её мужа. Она всё рассчитала, она всё вызнала – когда и на чём возвращается с работы Кирилл, когда и на чём приезжает Дарья. Её покоробило, что муж (её муж) отдал свою (вернее, их) машину этой девке. Сам добирался то на такси, то на автобусе, а эта девка ехала с работы на их машине.

Да, тут Марина не ошиблась. Действительно, только с работы Дарья ехала одна – ибо на работу они ехали вместе: сначала до его института (он преподавал в институте), потом, пересаживаясь в кресло водителя, Дарья ехала дальше – на свою работу (она работала дизайнером в довольно крупной фирме). И всё – весь день они существовали друг без друга, не названивая, не отнимая другого от работы (это было их обоюдным условием). Встречались только вечером – опять же, один поджидая другого, готовя ужин – тоже по обоюдной договорённости.

И всё это было до того устоявшимся, что никаких перемен просто не должно было быть. Должна была погибнуть Дарья. А Кирилл должен был вернуться к Марине – или (если всё же след выведет на неё) не достаться никому. Но случилась какая-то неразбериха – отчего-то они ехали вместе, а значит, вместе и погибли.

Марина приписывала это мистике, оттого было ещё страшней – вот, дескать, даже смерть не разлучила этих людей. И она уже была не рада, что ввязалась в эту авантюру. Она ничего не добилась. Она ещё больше одна, ещё более пуста, ей ещё более незачем жить.

Как она тогда бежала за машиной – когда увидела, что их двое, когда сердце чуть не разорвалось от боли. Бежала и кричала: «Кирилл! Кирилл! Стойте! Стойте!». Её никто не слышал, её не могли слышать – слишком поздно она увидела их, слишком далеко была от них (пряталась в кустах метрах в десяти от дороги). Так и остался её крик висеть в воздухе, а потом проник в неё – и теперь ей страшно – уж так он холодит душу.

Нет, тогда она не остановилась – бежала и бежала, да и бежать-то было недолго, каких-то триста метров. Страшный крик пронзил воздух. Или ей показалось, или? «У нас будет ребёнок!» - эти слова воткну-

лись в сердце, сразу нечем дышать, сразу перехватило воздух. Она осела, её была нервная дрожь. Крик больше не повторился. Крик умер вместе с этими людьми. Вот и сейчас в сердце этот крик: «У нас будет ребёнок!». И сердце каменеет, наливается тяжестью, холодеет сердце Марины. Выходит, она убила троих. А хотела одну. Но и тогда бы она убила двоих. Ребёнок! – как страшно, как больно, как некуда себя деть. Она погубила ни в чём не повинного дитя, она душегубка, вот кто, и нет ей прощения.

Ей бы бежать, ей бы тотчас уехать из этого города, из их жизни (вернее, смерти), а она не может. Будто приросла к этому городу, будто пудовый камень на ногах – не даёт шагать, да и только.

А они и там вместе. Втроём.

А ведь только и сделала, что подрезала тормоза. Больше ничего и не нужно. Здесь, по городу, тормоза не нужны – улицы прямые, как струны. Спуск начинается за городом, там итак страшная дорога, недалеко пропасть, а если подрезаны тормоза... Тут уж верная гибель...

Но почему они оказались вместе? Почему Кирилл поехал с ней? И ещё сто почему, и ни на одно нет ответа.

Она загубила свою жизнь, она на краю гибели...или ада.

Они отъехали уже довольно далеко. И тут сломалась машина – ехала, ехала, и, как вкопанная стала, ни взад, ни вперёд. И темнота – хоть глаз выколи.

Вылезли. Что делать? Чинить! Открыли капот – точно, аккумулятор сел. Дорога – и они на дороге. А вскоре должен ехать начальник – дорога-то одна, другой нет. И всё же не зря молились – а оба молились в

душе- заработал мотор, можно дальше спешить.

Только отъехали – фары наперерез, из- за поворота да с подъёму кто-то едет. Едва успели приглушить фары да в лес сползти – тут же знакомый силуэт машины, а в машине начальник в прекрасном расположении духа.

Константин тронул Руслана за плечо.

- Всё, браток, скоро засекут нас! Мало мы прошли, ох, мало! Ну да горевать нам некогда. По газам ещё хоть пару-тройку километров проедем, а там как Бог пошлёт.

Сели, включили фары, включили газ, выползли на дорогу и покатали дальше.

- Кто? Где он? – Майор, всклокоченный, злой, ввалился в вестибюль и к дежурному.

- Не понимаю. – Дежурный вскочил со стула.- О ком это вы?

- Ты не придуривайся давай! Или со сна всё пере-забыл? Спите тут вечным сном! Кто задействовал нашу машину? Кто?!

- Машину? Не понял...

- Да ты что? Да я вас... Да вы все тут... - Прямым вниз по лесенке – туда тянула душа, там что-то не так.

Точно, никого! Сбежали, падлы! Сбежали на его машине!

Выкатился назад – взмыленный, испуганный – ведь его взгреют теперь, по первое число. А он даже не доложил начальству, сам хотел разобраться. Ну и разобрался, чёрт его подери!

- Быстро звони в район! Опасный преступник скрылся! Его доставили без меня! Слышишь, без меня!

- Слушаюсь!

Бежит в дежурку. Ну и влетит теперь мне! Позавидуешь тем, кто сбежал! Набирает район, докладывает.

«Так вот они откуда, огоньки-то. А я думал, поме-решилось. Вот старый осёл! – И тут же.- Хотя, если с другого ракурса поглядеть, и не такой уж осёл. Ведь один из них вооружён, а значит, он бы стрелял. А мне их пуля без надобности». Вздохнул начальник и пошёл в свой кабинет - ждать дальнейших указаний. «А этот не выдаст, себе дороже. А так, халатность пришьют или

ещё легче - недосмотр. Да и не он отвечал за контрабандиста. А Костя. Ох уж этот Костя! Давно не нравился он мне».

Налил чаю из термоса, жадно выпил. И опять. «И всё же он что-то знал. Что-то он не договаривал, этот Костя».

Мало они проехали. Совсем мало. Хотя, если всё взвесить да прикинуть, сколько бы отшагали пешком, достаточно. До людей километра три. Это не так много. Если позволяют их прошагать. Если им это позволят.

Опять фары наперерез – ещё вдали этот свет, но уже пугает, уже заставляет действовать.

И опять они не успели. Опять их заметили. Ибо ехали до последнего, ибо не ожидали увидеть их так рано. Ибо очень спешили добраться до людей. Но и эти спешили добраться до них – значит, встречи не миновать, значит, вот-вот они столкнутся лбами.

Опять резкий поворот, опять в лес. Темнота, а им надо хоть чуть отойти от дороги, вернее, отъехать. А тут глубокий овраг.

- Прыгай из машины! Быстро! – Оба прыгают с разных сторон, а машина на полном ходу катится вниз.

Бегом в лес – сразу с дороги – нет сейчас для них дорог, только лес да скалы. Они должны добраться до поселка. Там хорошие люди живут. Там помогут человеку из пропасти. И им помогут. Бегут, успокаивают себя – три километра, это не так уж много. Только б те не настигли, только б от тех уйти.

- На, возьми!- Константин что-то сует в руки Руслана.- Это карта. Наброесал план – где искать человека.

- Пусть будет у тебя. Береги план! А я тропинку к той пропасти покажу.

И они бегут что есть духу – чтоб подальше уйти, чтоб поближе к людям. Но тех больше, те на машине. Одних высадили чуть ближе, другие проехали дальше. И те, что были ближе от них, сразу, едва отъехала машина, открыли стрельбу. Уж больно хотелось пострелять, скорее, просто так – разрядиться, засиделись.

Задело обоих. Только ойкнул один. Константин. Пуля, как пчела, вонзилась в грудь, он тут же упал. А Руслану пуля пробила плечо. Но ему нельзя ойкать, ему надо терпеть.

- Грудь ...Саднит, жжёт... Письмо ...план в кармане... Достань и беги! Ты должен дойти... Тут недалеко... не так уж далеко, километра два.- Он нарочно убавил километр – чтоб не так страшно было Руслану. - Первый дом...пятистенок... Андрей Кныш.... Беги, беги! Мне ты уже не поможешь! Я спутаю их следы... Беги!

- Не могу! Ты ранен... Не могу!

- Мне они ничего не сделают. Я им потом всё объясню. А тебя они растерзают. Понял? Наш же начальник растерзает – за то, что бросил своих. Они в сговоре, я ж намекал тебе... А там человек, он ждёт помощи...

Нет, Руслан не смог бы уйти. Ему помогли. Сюда бежали люди. Нет, уже не стреляли, просто бежали. И он побежал – от них.

Сначала он бежал – сколько было сил, бежал. Потом шёл, то проваливаясь в пустоту, то выныривая – то ли туман, то ли вечер, то ли в глазах темно. Он шёл и шёл, боясь остановиться, боясь, что уже не поднимется. Ветки хлестали по лицу – холодные, стылые, а он шёл и шёл, боясь упасть. Сколько шёл, неведомо. Только дошёл – вон он, первый дом огоньками мигает. Два окошка в огороде. А сил уже нет – так всегда, пока идёшь, силы откуда-то берутся, из последних сил идёшь, а дошёл – и силы ушли, на последнем метре ушли.

Дошёл до калитки и рухнул – а надо ещё в калитку заползти. Надо ещё до этих окон доползти, и крикнуть, позвать людей.

В полузабытьи открыл калитку, в полузабытьи полз по меже. И не дополз – ткнулся лицом в землю.

Узбекский дом на две половины: одна женская, другая мужская. Мужская половина спит (вроде спит), а в женской половине неслышная возня.

-Кызым, иди, проверь ещё раз – как там наша ярочка? Ведь первый ягненок, страшно ей.

- Хорошо, апа, иду. – Быстро встала (спала одетой, ночь выдалась такая), вышла. Взрослая дочь, мать доверяет ей – не меньше её знает, что к чему. И помочь, если надо, сможет овце- уже принимала ягнят.

Ханиса быстро пересекла двор, юркнула в сарай-там овцы, и одной из них плохо. Нет, ещё не началось. Но может начаться в любой момент. Лучше здесь при-

корнуть - пусть мать поспит, когда она здесь, мать спокойна. Прикорнула на сене, завернувшись в тёплый халат матери- та сунула ей перед уходом. Задремала – теплая ночь, запахи сена, овцы в загоне кто спит, кто жвачку жуёт – хорошо! И сквозь дрему стон – чуть слышный, но внятный,- стонал мужчина, очень плохо ему.

«Может, почудилось?» Но стон повторился - более явственно заявляя о себе, более упруго. «Нет, не почудилось. Но кто это? где?» Быстро встала, вышла из загана. Вот он! Чуть до дома не дошёл, видно силы не хватило. Лежит навзничь и стонет- раненый или избитый.

Подошла. «Нет, надо звать отца, без отца я не могу трогать его.

Вбежала в дом, прошептала матери нужные слова. Та быстро встала, окликнула: «Галип! Ты очень нужен!»

- Что такое? Что-то с овцой?

- Нет, атай, там мужчина стонет, чужой мужчина.

- Быстро мне халат! И кинжал! Мало ли чего!

Подали - тут всё делается быстро, тут просьба мужчины звучит как приказ. Вышел. Через пять минут зашёл, позвал старшего сына, и опять быстро вышел, за ним вышел сын Ахмет.

И только во дворе отец сказал сыну: «Пойдём быстрее! Ему очень плохо!»

Подошли к человеку.

- Ранен в плечо. – это отец. - Крови, должно, много потерял. Вся одежда мокрая.- Осторожно перевернул на спину. И вот он, стон.- Слава Богу, живой!

Развернул бушлат, слушает сердце – едва- едва стучит сердце.

- Там... в пропасти... человек,- чуть слышно прохрипел раненый. И опять стон, стон, стон.- Его надо спасти. План в кармане.. во внутреннем. - И впал в забытьё.

Талип быстро вытащил бумагу из кармана. И опять стон.

- Я ушёл от котрабандистов. Делайте со мной, что хотите.- И сквозь забытьё.- Там человек в пропасти. Я сам слышал его. Спешите...

- Надо «Скорую», человек истекает кровью, - отец сыну.- Иди, звони, я тут побуду. Про план молчи, я сам.

Вот так дела. Контрабандист. И человек в пропасти. Какой-то план.

Надо подключать милицию- без неё тут не обойтись.

- Что? Как? Кто обнаружил? – Целый взвод милиционеров - вынюхивают, высматривают, выпрашивают.

- Я обнаружила. В стайке была, овца ягниться должна, а тут стон с огорода. Прошла, хоть было очень страшно. А он ни звука больше. Думала, умер. Перепугалась, позвала отца. Он велел в «Скорую» звонить. Вот и всё.

И началось. Надо поднимать людей. Человек из пропасти не может ждать. Каждая минута дорога. Но сначала надо проверить – есть ли человек в пропасти или это просто бред раненого?

Старший уже отдаёт приказы.

- Во- первых, надо всё разведать: где человек? Один ли? А потом уже решать, как его оттуда вытащить. Значит, и о технике надо подумать.

И придумали. Недалеко отсюда стояли военные-

пограничники. Связались с ними, объяснили ситуацию. Военные легки на подъём. Взвод подняли и - к пропасти. И от них три человека туда же. Хамит остался, хотя ему больше всего хотелось быть сейчас рядом с этими людьми. Но нельзя - в любой момент могут позвать на допрос. Лучше быть дома. Иначе всё можно испортить.

-Я ж говорю, почудилось. Нет тут никого. – Майор - пограничник недоволен собой. Провели, как лоха. Человек в пропасти! Надо спасать! Откуда тут человек? У кого-то галлюцинации, видимо, с перебора. А тут, стой, как дурак, над пропастью, прислушивайся.

И всё же скомандовал:

- Залпом – эй, кто там есть, в пропасти?

И тут же:

- Э-э-э- й! Кто там есть? Отзовись!

Ни звука. И вот:

- Люди! Люди! Мы тут! Нас двое, даже трое, спасите! – Надрывный крик, усталый, больной и радостный, в то же время, и радость была сильнее - она звучала в каждом слове, как набат.

- Боже! Точно, люди! Как они попали туда? – Это майор. – Так, быстро технику закрепить! Уточнить, где люди?

Уточнили: ещё раз кричали, согласовали, произвели замер, наметили точку спуска. И опять приказ:

- Канаты с люлькой спустить в пропасть! Надо разведать, что там с людьми, в каком они состоянии, сколько их, наконец: двое или трое.- Оглядел солдат.- Иван, ты пойдёшь.

- Слушаюсь!

Канаты уже возле пропасти. Иван устроился в люльке, качнул головой: готово! И пошёл в пропасть.

Через два часа все были наверху. Первой вытаскивали Дарью. Так распорядился Кирилл - у неё силы меньше, ему меньше о ней переживать. Потом спустили люльку за ним. Последним вытащили сержанта.

- А где третий?

- Третий условный. Пока условный. Он ещё только зародился.

- Понятно. Тогда всё!

- Благодарю вас!

- А вот благодарить будете человека, что услышал ваш крик. Только сейчас ему не до благодарности – он сам на краю гибели. Но об этом позже. - Скомандовал. - Напоите бедолаг чаем, и в путь!

Дарью осматривал доктор. Дарью трясло. Жгучая лихорадка. Перенервничала, да и застыла в холодном склепе. Там-то она держалась - там надо было держаться, а сейчас раскисла. Сварилась.

Две инъекции разом.

- Женщину на носилки! И быстро в машину! Её надо в госпиталь!

Оглядел Кирилла.

- И тут не слишком ладно. Нагноение. В другую машину! И тоже в госпиталь! Срочно!

Сел к Дарье в машину.

- Трогай!

Две машины сорвались с места. Они везут раненых героев. Что остались живы благодаря мужеству и находчивости одного из них. Они будут жить – ибо очень хотели жить, ибо заслужили жизнь.

А теперь о других героях. Руслан поправился. Его судили – как контрабандиста, его чествовали – как

человека, что, ради жизни других, пошёл на огромный риск. Его сто раз могли убить. В него стреляли. А он шёл и шёл – и дошёл. Он спас людей. Потому судить его было очень сложно. Котрабандист, носитель смерти, и герой, спасший людей от гибели, - и всё это в одном лице, к тому же, русский, а принял другую веру, а сейчас опять просит Господа (Господь един) помочь ему, спасти его от смерти.

И вот решение - нелегко оно далось судьям, ох, нелегко.

- Семь лет лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима.

- Спасибо! Спасибо! – Он плакал, он не верил своим ушам – его слышали, его слышали! – Вздыхнул, свободно вздохнул, всей грудью.- Мама! Я с тобой! Люди, простите меня! Я ваш, я с вами!

Короткое свидание. Дарья с Кириллом пробрались к Руслану. И он из одних объятий (даже наручники ещё не надели) попал в другие.

- Спасибо! Спасибо, брат! – это Кирилл.

- Спасибо, родной! Мы всегда будем с тобой! – это Дарья, с огромным животом - ей вот- вот рожать.

Опять мать обнимает сына.

- Мама, ты простила меня?

- За что? За муку твою? Благодарю людей из пропасти- не ты вытаскил их, они вытащили тебя.

- Да, мама, да!

- Сынок, всё будет хорошо. – Она мать, она умнее и добрее. - Теперь у нас всё будет хорошо.

В колонии тоже люди работают. И сидят там люди. Через три года Руслана помиловали – очень много людей вплелось в его судьбу, отстаивали, просили.

У него уже старая мать – надорвала сердечко, не зная о сыне, то считая его мёртвым, то опять видя во сне иль наяву живым. Её надо порадовать – пусть поживёт с сыном, наглядится на него. Да и сын всё понял – что дороже всего на свете, без чего жить нельзя! Родина и мать – вот самые дорогие вещи на Земле. А ещё семья – будет у него и семья, а ещё друзья – а они уже есть, и это так дорого.

Константин. Этому было труднее. Не могли его убить, это было б самое лучшее – для тех, кто столько времени шёл против родины, против своего народа. О нём знали, о нём рассказал этот шакал – майор. Но поиздевались над ним вдоволь, над раненым поиздевались.

А потом отправили в госпиталь. В тот же, где почти до суда был Руслан. Куда увезли Дарью. И Кирилла.

И закрутилось. Многие попали тогда под суд. Суровый суд. Теперь другие служат в той точке. Теперь котрабандисты там не пройдут.

Константина же не за что судить. Его надо благодарить.

Теперь о Марине. Старухой села она на скамью подсудимых. Старухой отправилась доживать свой век в дом, который жестоко мстит вот таким подонкам. Двенадцать лет лишения свободы. Не выдержать ей их, ни за что. Да и зачем выдерживать? Что ждёт её на свободе? Ничего. Кто ждёт её там? А никто. Проклята. Она проклята людьми. Трёх хотела убить – да пусть и одного, вернее, одну, как и загадывала. А за что? Убивать-то за что? Ведь ты первая от мужа ушла – ничего не объяснив, просто взяла и ушла к другому мужчине. Он-то тебя отпустил – что же ты не отпускаешь его? Что

же ты вцепилась мёртвой хваткой и душишь, душишь его? Что, поняла, что только с ним и была счастлива- тихим семейным счастьем - только поздно ты поняла это, голубушка моя, так поздно, что он не только отвык от тебя, он успел полюбить другую – три года, это немалый срок. Ты жила как хотела - позволь же и ему жить, как хочет он. А ты препоны ставить, а ты угрожать, а там и мстить – за что, а? За что?

И эта поплатилась за месть. Нельзя мстить. Местью ещё никто ничего не добился. Мечь разрушает, месть губит человека, месть душу превращает в ад- мечется, плачет душа, не находит покоя, а вместе с нею плачет тот, кто стал на дорогу мести. Подумай о себе, о душе своей подумай и никогда не мсти- отпусти с миром обидчика и живи дальше.

А Валентина будто и не было. Нашли, завели дело, потом закрыли. Человек сам убил себя - кого тут обвинять?

И только тут он отошёл от Дарьи. Ибо она поняла - он пустой, он пустышка для неё, он всю жизнь был пустышкой.

Отпустила с миром его душу – и успокоилась.

Так и должно быть. А мог бы ещё жить – если б оставил в покое, если б не стал мстить.

- Сын! У меня сын! Слышите?!

- Сумасшедший!

Шёл, шёл и ухнул под дерево и заплакал навзрыд.

- Дашенька! Дашенька моя! Сколько ж ты мне дала!

- Вам плохо? – девчонка склонилась, а тут вторая.

- Мне очень хорошо! Я отец, понимаете?

- Понимаем! Хотя, вроде, и поздновато!

- Для вас поздновато, для меня – в самый раз!

- Поздравляем!

- Спасибо!

Убежали девчата. А Кирилл вскочил и закричал:

- Я самый счастливый человек! Слышите?! Я самый счастливый человек!

И это правда. Он не обворовывал никого, он боролся за своё счастье, он победил. Судьба любит и балует победителей, судьба благосклонна к ним. Судьба дарит им удачу.

Вот и всё. Всё.

.....

...

2007г

Салым

Содержание:

Пропасть – роман.....3

Любовь Сокол (ЛюбовьНеряхина), член Союза российских писателей. с.п. Салым, Нефтеюганский район, ХМАО – ЮГРА.

Издатель: Любовь Сокол (Любовь Неряхина)–
«Самиздат», 2018г, 112 страниц, бумага офисная,
обложка простая.

Охраняется законом об авторском и смежных правах от
09.06. 90г. №5351 -1 в редакции Федерального закона
от 16. 05. 95г.

2018г.

